

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 Června 1931.

Volné Kozáctvo

Ročník IV.

25-го июня 1931 г.

83

25-го червня 1931 р.

ПРАГА

ПРАГА

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

РІК ВИДАННЯ 4-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. М. Назаров: С Мамаевых курганов. (Verše).
 2. Константин Поляков: Над нашим городом. (Nad naším hradem).
 3. Санжа Балыков: Когда выдаются подбородки. (Když to jde do tuhého).
 4. Оксана Печениг: * * * Вірш. (Verše).
 5. Петр Крюков: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).
-
6. Казакия или отдельные казачьи государства? (Kozakija nebo řada kozáckých států).
 7. А. Ленивов: Этапы развития самостоятельности на Дону в 1917—1918 гг. и „Основные Законы Всевеликого Войска Донского“. (Postupné rozvinouti myšlenky samostatnosti na Donu a Doňská konstituce).
 8. Шамба Балинов: Чем было Казачество. (Čím bylo Kozáctvo).
 9. Павел Кудинов: Восстание Верхне-Донцов в 1919 г. (Povstání Vrchné-Doncov r. 1919).
 10. Вл. Куртин: Трагедия казачьего генерала. (Tragedie kozáckého generala).
 11. С. Савельев: Умственная ограниченность или сознательное наивничанье? (Nerozum nebo zumyslna naivnost).
 12. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 13. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 14. В Казакии. (V Kozákii).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Югославия. — А. Ч. — Получено. Привет.	Хомутов. — Д. А. — Хорошо. Привет.
Румыния. — С. М. — Будет исполнено. Привет.	Београд. — Б. К. — Получено. Привет.
Париж. — И. Е. — Посылается. Привет.	Нью-Йорк. — М. Ч. — Будет помещено в след. номере. Привет.
Бухарест. — Т. В. — Будет помещено в след. номере. Привет.	Румыния. — А. Б. — Получено. Привет.
Бухарест. — А. Р. — Будет помещено в след. номере. Привет.	Франция. — П. К. — Получено. Привет.
Бухарест. — Я. Д. — Тоже. Привет.	Югославия. — К. Ш. — Получено. Привет.
Шабач. — А. Б. — Сообщите свою настоящую фамилию и адрес.	Югославия. — Д. З. — Пришлите еще что-нибудь. Привет.
Греция. — В. — Получено. Привет.	Югославия. — Я. Г. — Получено. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Заечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопье.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12.

Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 58).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilnc.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О Ф Р А Н Ц И И:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „С. G. с. В.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

А. К. Ленизов. M-eur Lenivoff; 27, rue Neuport, Monplaisir-Plaine. Lyon.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel. canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Бачо - Киро. 52.

Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско, б. Ц. Борис, 85.

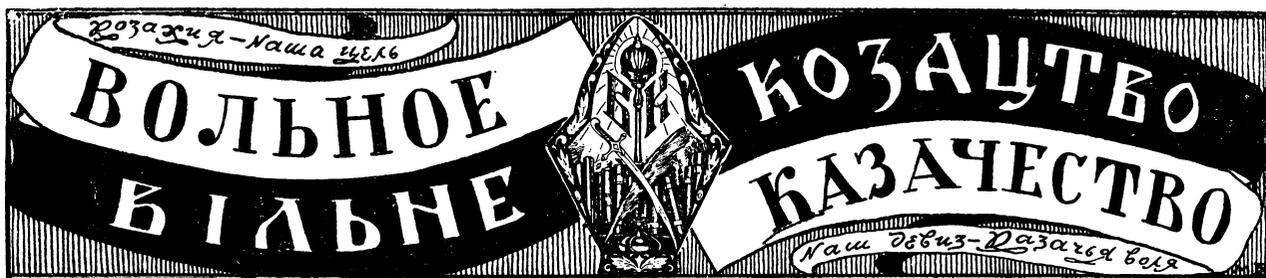
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazi 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchecoslovaquie.

№ 83

Четверг, 25 июня, 1931 — Четверг, 25 червня, 1931.

№ 83

И. М. Назаров. (Княжевац).

С МАМАЕВЫХ КУРГАНОВ.

Не унывай, дитя! В слезах тоски бесплодной,
В терзаниях души по вольности былой
Помочь не можем мы истории народной
В ее борьбе с предательской судьбой.
И песни нежные, и тихие молитвы
Оставим прошлому. Вперед же все, вперед!
Мы в сердце понесем грозный светоч битвы
За правду вечную и наш родной народ.
Забудем горести, нам павшие на долю;
Свет личной радости сорвем с лица;
Все покорим святой борьбе за Волю
И выкуем железные сердца.
Взамен борьбы за мелкие богатства,
За славу почестей и радужные сны
Мы создадим безрадостное братство
Решившихся на все сынов родной страны.
И вот тогда, как будут легионы,
Как сталью скованы, — закованные в сталь,
У всех одни — старинные законы,
У всех одна — заветная печаль, —
Тогда ты жди... С Мамаевых курганов
Внезапно грянет гром, —
То будет зов, походный зов Степанов
На бой с российским мужиком.
А до того — он в вихрях над степями
Седые волны Дона рвет...
Глядит на запад грозными очами,
Но не готовых — не зовет.

12-6-31 г.

Константин Поляков. (Прага).

НАД НАШИМ ГОРОДОМ.

Над городом кровью их флаги алеют,
А в улицах радостный гомон клокочет:
Сегодня салютов, вина — не жалеют;
Сегодня народ их ликует, хохочет...
Над этой вчера еще нашей столицей
Метались соборов железные звоны
И флаги казачьи парили, как птицы,
И низко спадали с высоких балконов.
На площади мощь развернулась народа, —
Сверкая штыками, стояли полки...
В степи по над Доном воскресла свобода,
Сегодня свободны, как встарь, казаки.
Вот дедов знамена выносят их внуки;
Огнем зажигает казачью кровь гимн.
И крепче в винтовку впиваются руки —
Мы, Дон, за Тебя постоим.
Знамена, что долго в музее лежали,
Свидетели славы казачьей былой, —
На солнце их снова донцы увидали
И слышали шелест их лент над собой.
А ветер, как будто соскучившись, трогал
И радостно старую ткань целовал...
За ними шли внуки, — уверенно, в ногу, —
Под ними ведь предок их смерть презирал.
И был этот праздник, я помню, в июле,
Тогда был у нас 19-ый год.
И что-же, измена сильнее вражьей пули
Была и повергла в неволю народ.
Теперь над Черкасском их флаги алеют,
А в улицах гомон московский клокочет, —
Повсюду безумье и ужас довлеют;
Сегодня над нашей Свободой хохочат.

17-6-31 г.

Санжа Балыков. (Прага).

Когда выдаются подбородки.

Грызть гранит высшей европейской науки — дело плевое, если только имеешь хоть четырехсоткрановую стипендию, здоровье и не совсем пустую голову. Ходи аккуратно на лекции, внимательно слушай, придя домой — зубри, реже назначай свидание кондитерской служащей, что напротив твоей квартиры и за счет желудка не покупай на последние, хотя бы батевских, лакирок.

Но вот, когда тебя, в порядке ли национальной экономии по случаю кризиса, или в порядке устранения будущих недоразумений в науке, снимут со стипендии, то это уже дело не шутейное. Тут приходится грызть не только гранит науки, но и лезть на скалу жизни. Начинается, собственно говоря, не жизнь, а борьба с жизнью. Конечно, есть такие малодушные элементы, которые в таких случаях отказываются от науки и принимают только за скалу и всю жизнь этим потом и занимаются. Ну, а мы, с моим другом Мазуром, когда с нами случилось это самое, озлобились и решили продолжать грызть и лезть. Уж очень досадно было бросать дело на третьем году его благополучного течения.

Удивительного тут ничего нет, потому — мало ли молодых людей на свете училось, зарабатывая хлеб своим трудом. Говорят, в старину даже был в моде такой способ прохождения науки. Приедет, скажем, помещицкий сынок в столицу, проникнется убеждением, что каждый должен жить своим трудом и отказывается от папиных и маминих денег. А когда его как следует скрутит голод, намерзается в мансарде, то он тихонько идет к богатому родственнику отведаться, а если таковых не было, через сестру просил у мамы и, получив необходимую сумму, скрывался на край города, нанимал квартиру у какой-нибудь купечки вдовы и там набирался новых сил для продолжения праведной жизни. Как видите, тогда для этого большого ума и не требовалось. Но теперь, когда мы, так сказать, в тяжелых условиях изгнания, а кругом лютая безработица и местные братья пролетарии волками смотрят на вас, как на классового врага, а демократические правительства, внемля гласу общественного мнения, начинают защищать национальные рынки труда, тут уже не то... Тут выбиваются только люди с выдающимися подбородками, вот те самые про которых Демидов пишет. А наши с Мазуром подбородки совсем как на луне.

— Да-с, насчет выдающихся подбородков у нас дело — слабо, никакого тебе выступа, — огорченно говорил я Мазуру, уже второй раз ложась без ужина, в надежде на утреннюю чашку хозяйского кофе.

— Ничего, Козур, вот посидим месяц на режиме максимальной экономии, без стипендии и работы, так они у нас выдадутся так, что хоть зови исследователей выдающихся подбородков, отвечал Мазур, укрываясь периной.

И действительно, через месяц наши подбородки заметно вытянулись и вместе с этим начала вливаться в нас энергия. Обнаружив это, мы и решили, что надо выходить из положения, иначе наверняка могли выйти из квартиры, что уже было бы хуже.

Я, Козур Шалхаков, и мой друг, Мазур Саланов, были очень подхождещей парой, ибо взаимно дополняли друг друга в качествах: Мазур был большой мастер на всякие проекты, но никогда ничего не умел приводить в исполнение, а я был слабоват на проекты, но если за что брался, то доводил до конца или до явного абсурда.

— Ты, Мазур, придумай-ка за ночь что-нибудь, а я уже там постараюсь провести в жизнь, — сказал я в тот вечер, когда была замечена перемена в наших подбородках. Утром чуть свет он меня будил:

— Козур! проснись, план готов, теперь твой танец! Оказалось, что нам нужно дать в ближайших от Праги деревнях, куда можно добраться не тратясь на трамвай и автобус, несколько „ориентальных“ вечеров. Дело было не Бог весть какое трудное: собрать еще трех безработных калмыков, бешметы и халаты по колонии, расшитые шапочки и другие атрибуты наци-

ональной костюмировки удалось достать тоже быстро. Часам к трем того же дня мы были в одной деревне, в верстах 15 от Праги.

Так как организационная часть легла на меня, то вести переговоры с местным начальством и с хозяином отеля пришлось мне. „Дать вечер“ оказалось можно, но вывешивать объявления не разрешили. Тогда я одел своих „китайцев“ в костюмы и торжественно поводел их по улицам деревни и всех, приближающихся к нам любопытных, приглашал на интересный „ориентальный“ вечер, имеющий быть сегодня в отеле „Горак“ в 7 часов. После этого вернулись в отель и, в отдельной комнате прорепетировали наши номера, пообедали в счет будущей выручки и стали ждать. Настал вечер. Смотрим — народ валит так, что Мазур мой едва успевает отпускать билеты. Настроение у нас все время было хорошее, но вот, когда настала минута выходить на сцену и предстать перед публикой, прямо душа в пятки ушла, все сдрейфили. Наконец я, как директор труппы, первый почувствовал за собой ответственность и решительными толчками выгнал своих артистов на сцену и сам, зажав в руке для чего-то взятую плетку, сердито зашагал по сцене. Зал замер в ожидании. Тут Мазур мой догадался заиграть со своим портнером на мандолине и гитаре мотив калмыцкого танца. Я несколько успокоился и, сев на пол, сложив ноги по калмыцки, хлопнул в ладоши и зычно скомандовал: „танцевать!“ Два наши товарища, один из которых был переодет в женщину, плавно поплыли в танце. Видя, что публика смотрит с жадным интересом я длил танец, время от времени крича: „танцевать!“ Наконец, когда мои танцоры начали сбиваться в тактах и тяжело дышать, я царственно махнул рукой и когда артисты замерли в низком поклоне публике, зал разразился громом аплодисментов. Такого эффекта я не ожидал.

Покурив в уборной и отдохнув, мы уже смелее вышли на сцену и я, дирижируя плетью, завел калмыцкую частушку. Песня тоже удалась. Опять аплодисменты. Потом один из нас танцевал соло, другой спел соло, сделали антракт и после него показали что-то вроде сватовства и свадьбы, как „чинскую“ бытовую сценку, и вечер был закончен. Из выручки расплатились с хозяином за обед и помещение и еще на каждого брата досталось по 100 крон. Так как в уходящей публике слышались жалобы на краткосрочность вечера, то со следующего села мы прибавили к концу номера танцы. Правда это дороже обходилось нам (музыка, зала и налог), но зато публика шла охотнее. Месяц целый бродили мы своей труппой из деревни в деревню и вернулись в Прагу, имея возможность спокойно готовиться и сдавать весенние зачеты в университете.

Наступила весна. Деревенский заработок наш истощился, безработные разбрелись в поисках работы и нам с Мазуром опять надо было выкручиваться. Подумал Мазур, подумал и говорит:

— Ну-ка, сходи на центральную станцию радио-концерта и поговори с директором, нельзя ли сделать беглый доклад об истории калмыцкого народа и спеть несколько национальных песен. Удивляясь находчивости моего друга, я пошел. Оказалось, что можно. Доклад Мазура на прескверном чешском языке никто конечно не понял, против нашей песни никто протестовать не мог, 200 крон за вечер мы положили в карман, а наутро выложили перед хозяйкой квартиры. Стало легче, но не совсем; надо было еще что-то и где-то заработать.

— А не пойти нам в тот магазин, где японские и китайские вещи продаются, ведь из рук самих „японцев“ и „китайцев“ будут охотнее покупать, хозяин это поймет — решился я предложить, видя затруднение Мазура.

— Ага! Козур, и ты начинаешь мозговать! Bravo! Bravo! Идем! — обрадовался Мазур.

В тот же день мы оба бегали по городу с чемоданчиками в руке и, стучась в наиболее богатые дома,

предлагали свои „только что собственноручно из Китая и Японии привезенные товары“. Дело пошло. На другой месяц мы уже имели от хозяина небольшой фикс и плюс — проценты от проданного. Можно было жить и учиться. Но ухудшение торговых дел фирмы заставило нас на лето уехать на сельско-хозяйственные работы. Там, живя в другом отделении коровника, мы косили, возили, молотили, копали, недурно питались, хорошо спали и к осени вернулись поздоровевшими, загорелыми и с небольшим запасцем в карманах.

Через два месяца надо было опять изворачиваться. И кем только мы не побывали и где только не работали?! Если бы имели глупую привычку некоторых эмигрантов — на дверной карточке перед своей фамилией ставить слово „бывший“, то дальше нам места не хватило бы на карточке. Хорошо тому, кто раз только в жизни был кем-то, а дальше перестал быть, написал: „бывший директор 1-й Ростовской на Дону гимназии Полуярков“ и баста. А попробуй-ка перечислить, кем ты бывал при нашей жизни! Были зазывалами и подавателями в японском ночном баре, мыли посуду в ресторане, были гарсонами, билетерами в театре, разводящими в кино... Ах, вот про это стоит вспомнить: оденемся, бывало, с Мазуром в форму: в алого сукна тужурку с золотыми пуговицами, такие же брюки на выпуск с темносиними лампасами, на голову шапочки с галунами, с лакированными козырьками и станем у дверей лицом друг к другу и замрем в величественной позе. А дамы и заглядываются на нас. Да и было на чего: гвардейцы китайского Богды-Хана да и только. Потом, одевшись в костюмы калмыка и калмычки, продавали мы на Пражской выставке китайский чай. Богачи охотно покупали настоящий „чинский“ чай из рук настоящих „чиняна и чинянки“. А самое интересное это — как выступали в цирке с „ориентальской борьбой“. Надо сказать, что ростом, телосложением и мускулатурой Бог нас обоих не обидел. Когда мы разделись, надели трусики, сандалии и, колесом выпятив грудь, продефелировали перед публикой с партией профессиональных борцов, то никто не сказал бы, что мы не восходящие звезды арены. От профессиональных борцов мы даже выгодно отличались. Если они все почти были пожилые, позолневшие, брюхатые мужчины с дефектами в дыхании и пр., то мы были молоды, стройны, гибки, темной бронзой отливала наша кожа. Я чувствовал, что не одна дама направляет на нас свои зрительные приспособления.

Наш номер — невиданная в Европе калмыцкая борьба с швырянием один одного через голову — очень понравился публике. Она много аплодировала. Хозяин был весьма доволен. Надо заметить, что мы с Мазуром никогда ни разу между собой не боролись, до этого, каждый из нас считал себя на должной высоте. И вот, когда мы оказались перед тысячной публикой, самолюбие мужчины заговорило в нас и каждый молча решил зря не поддаваться и мы сцепились не на шутку. Сила Мазура не оказалась меньше моей, но он не был знаком с приемами борьбы, которые я еще мальчиком усвоил. Когда я, уловив момент неловкости противника, сильно ткнул его лбом об землю и, не давая ему возможности твердо стать на ноги, три раза швырнул его через себя так, что пятки шелкали от шлепания по

земле, Мазур беспомощно растянулся и я его безжалостно придавил всей силой. Борьба получилась хоть куда, не то, что возня других пар, с заранее известными результатами. Арбитр объявил, что „чинский борец Кин-Тинь-Лин не признает себя окончательно побежденным и вызывает японского борца Какуто-Икото на реванш в следующий четверг“. Наше выступление дало нам по 100 крон.

В следующий четверг „японца и чиняна“ публика приветствовала, как старых знакомых, одобрительными возгласами. На этот раз, уже по уговору, Мазур должен был меня победить после порядочной возни и пыхтения. Когда после грозного рывка мы схватились, Мазур, перекинув через себя, придавил меня за шею, где был чирей, я закричал по своему: „не дави дурак за шею!“, тогда он поспешно сунул руку под мою мышку, „не лезь под мышку, а то засмеюсь!“ закричал я едва не прыснув. Подбежал арбитр и, остановив борьбу, спросил в чем дело. Я взволнованно доложил ему, что этот китаец хотел употребить некоторые опасные приемы „Джиу-Джитсу“. Мазур мой получил первое предупреждение и борьба продолжалась. Номер мой публике очень понравился. Она увидела в этом настоящих восточных борцов, могущих один одного убить на арене. „Китаец“ (чинян) на этот раз был объявлен победителем „японца“. И так целых две недели морочили мы публику, пока не надоели. Это дало нам возможность месяца два — три приводить в порядок дела учения.

Недурно подработали в с'емке чешского фильма из жизни легионеров в России, где мы изображали китайцев в красной армии. Здесь Мазур мой опозорился немножко: когда он лежал при пулемете и на него со штыками наперевес ринулись чешские легионеры, а вблизи заушали пушки, Мазур мой зело перелякался и, позабыв роль, вместо того, чтобы броситься навстречу, бросил винтовку и со страху удрал с поля сражения. Целый день с него смеялись.

Последнее лето мы провели в частых выступлениях в Луна-Парке „Эден“. где большой компанией показывали какие-то фантастические „ориентальские“ номера в фантастических костюмах.

Как в калейдоскопе пестро и разнообразно прошли три года, голод и холод извели много раз, и, наконец, кончив учение, мы получили наши дипломы. Хотя мы и старались сохранять хладнокровие и казаться равнодушными, но улыбка распирала наши губы, душа ликовала одержанной победой, так трудно нам доставшейся.

— Доктор медицины Козур Шалхаков! — галантно расшаркался я перед Мазуром, войдя с дипломом в руке.

— Доктор философии Мазур Саланов, — отвечал он и мы со слезами на глазах крепко обнялись.

— И так, Мазур, мы победили и перед нами новая жизнь — сказал я.

— Когда вода доходит до подбородка, собака начинает плавать! Не правда ли — мудрая пословица? — отвечал он.

— Да, мудрая, а когда она начинает плавать, то подбородок у нее начинает вылаваться — добавил я и мы оба захохотали.

Оксана Печеніг.

(Болгарія).

* * *

Гей, вода в озерах скаламучена, скаламучена!..
Чей життя у мене не засмучене, не засмучене?..
Плили, плили корабельки по водах,
Проїздили козаченьки по шляхах...
Гей, вода в озерах скаламучена, скаламучена!..

Чей життя у мене не засмучене, не засмучене?..
Загубились білі фани в далені —
Одружились козаченьки в чужині...
Гей, вода в озерах скаламучена, скаламучена!..
Чей життя у мене не засмучене, не засмучене?..
Ой, не скоро остойт'ся вся вода,
Ой не скоро позабуду... козака...
Гей, вода в озерах скаламучена, скаламучена!..
Чей життя у мене не засуджене, не засуджене?..

Петр Крюков. (Франция).

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект).

Господь Всесильный будь с Тобой,
Наш вольный Край, казачий Край!
Тебе мы преданы душою;
Ты — на земле земной наш рай!
Воля, слава, честь Отчизны —
Вот девиз наш боевой!
За Казакию родную
Каждый смело иди в бой!
Пусть весь мир на нас восстанет;
Пусть цепями нам грозит, —
Наш народ за Край свой станет:
Иль умрет, иль победит!

Нам братство, равенство, свобода
Знакомы целые века.
Мы — дети вольного народа —
Гордимся Краем казака.
Воля, слава, честь Отчизны —
Вот девиз наш боевой!
За Казакию родную
Каждый смело иди в бой!
Пусть весь мир на нас восстанет;
Пусть цепями нам грозит, —
Наш народ за Край свой станет:
Иль умрет, иль победит!

И в час невзгод за Край свой вольный
Мы станем каменной стеной!..
Народ Казакии свободной,
Господь Всесильный будь с Тобой!..
Воля, слава, честь Отчизны —
Вот девиз наш боевой!
За Казакию родную
Каждый смело иди в бой!
Пусть весь мир на нас восстанет;
Пусть цепями нам грозит, —
Наш народ за Край свой станет:
Иль умрет, иль победит!..

28-V-1931 г.

Казакия или отдельные казачьи государства?

В 1917-18 годах образовался ряд казачьих государств-республик. Тогда же возникла и первая мысль об их объединении, сначала в форме Юго-Восточного Союза (1917), позже в проекте Доно-Кавказского Союза (1918), казачьей федерации первого времени, Доно-Кубано-Терской Конференции 1919 года или казачьего Союзного Государства Верховного Круга Дона, Кубани и Терека начала 1920 года. Ни одно из этих начинаний не осуществилось тогда, в силу того ли, что Казачество не было еще достаточно подготовлено к ставшим перед ним огромным и сложным государственным задачам, или потому, что события захлестнули его раньше, чем оно смогло при всем своем напряжении сил поставленные себе задачи осуществить. Больше чем вероятно, что существовали тогда и другие (иногда чисто внешние) причины, помешавшие реализации казачьего государственного объединения и погубившие тем все дело казачьей освободительной борьбы, но для нас сейчас совершенно ясно, что те неудачи не в коем случае нельзя отнести за счет нежизненности самой идеи казачьего государственного объединения. Мы глубоко убеждены в том, что осуществление этой идеи, формулируемой нами ныне как идеи Казакии, только и может спасти

Казачество и решить Казачий Вопрос в интересах Казачества.

Так или иначе, идея объединенного Казачьего государства в прошлом не осуществилась и — Казачество бито было по частям. Ныне, когда мы конечной целью казачьей освободительной борьбы снова ставим идею казачьей федерации, идею казачьего союзного государства, среди самих казаков опять находятся противники этой идеи, при чем одни из этих противников — противники старые, бывшие противниками ее и в 1918-19 годах, другие стали ими теперь. Поэтому будет далеко не бесполезным остановиться здесь еще раз на вопросе о казачьей федерации — Казакии.

Прежде всего, что такое федерация?

Федерацией называется союзное государство, представляющее собою вообще один из видов сложных государств. Союзное государство (федерация) образуется из нескольких, или многих самостоятельных (суверенных) государств, соединяющихся для постоянного совместного осуществления общих государственных задач и целей в один союз, в одно союзное государство.

В настоящее время существуют следующие федеративные или союзные государства: С. Американские Соединенные Штаты (с 1789 г.),

Швейцария (1848), Канада (1867), Мексика, Бразилия, Аргентина, Австралия. Союзное же государство представляла собой и довоенная Германия.

От иных видов сложного государства федерация отличается: 1. От унии государств, объединенных особой монархией и, иногда, сравнительно немногими общими учреждениями, — тем, что в федерации объединение глубже и прочнее. 2. От государства с широко развитым самоуправлением федерация отличается тем, что в последней отдельные члены (штаты, государства) сохраняют свой характер самостоятельных государств, т. е. они осуществляют свои государственные задачи по собственному праву (по праву, юридически не контролируемому никакой иной властью) самостоятельно и независимо, отказавшись (делегируя, передавая) в пользу федеральной власти от части своего суверенитета. Общины же автономные (края, области, провинции) получают свое самоуправление и осуществляют свои права по поручению и под контролем верховной власти государства. Таким образом, помимо равного пути и характера создания самого государства в обоих случаях, объем прав членов федерации несомненно шире и полнее, чем права автономных единиц в унитарном государстве.

От конфедерации (союз государств) федерация отличается тем, что она обладает большим количеством и объемом общих задач, во имя общего осуществления которых отдельные государства — члены будущей федерации — вступают между собою в союз, и большей прочностью (более органической связанностью) союза.

Конфедерация есть (более внешний, более целевой) союз, заключаемый несколькими государствами для достижения каких либо вполне определенных целей, преимущественно для целей обороны и ведения общей внешней политики. В конфедерации бывает правильно и постоянно действующий общий правительственный орган, называемый конгрессом, состоящий из представителей правительств отдельных государств. Авторитет этого органа не весьма большой, т. к. его постановления приводятся в исполнение не им самим, а отдельными государствами. В союзе государств каждое государство — член союза — сохраняет свой суверенитет вполне неприкосновенным, и хотя союзный договор обязывает всех членов к исполнению решений, принимаемых конгрессом, однако исполнение их ничем не гарантируется. У центрального органа власти нет никакой реальной силы, могущей принудить к повиновению. Общей армии у конфедеративной власти нет, но все государства обязаны выставлять в случае необходимости определенный контингент вооруженных сил.

Вообще же конфедерация представляет вид неразвившегося союзного государства (федерации) и является непрочным государственным объединением. Такой союз государств с течени-

ем времени или распадается или развивается в союзное государство, т. е. естественно превращается в федерацию.

При образовании федерации в ведение (компетенцию) федеральной власти передаются обыкновенно такие вопросы, как: оборона страны, внешняя политика, общие финансы и денежное обращение, таможенные тарифы, почта и телеграф, пути сообщения общего значения, меры и весы, иногда даже гражданское, уголовное и процессуальное законодательство.

Для осуществления общегосударственных (федеральных) задач федерация имеет и общее (федеральное) правительство, обладающее достаточной принудительной властью. Права и обязанности федеральной власти определяются союзной конституцией и союзным законодательством.

Федерация, как мы сказали уже, образуется (как общее правило) объединением отдельных государств в одно союзное государство. Несомненно, что повелительным основанием такого решения для отдельных государств может быть какой либо жизненный интерес, общий для всех членов создаваемой федерации, интерес доминирующий над частными интересами отдельных государств.

Суть и оттенки таких общегосударственно-жизненных интересов могут быть различны, в зависимости от исторической эпохи, от состояния самих государств и от условий, определяющих их государственно-политические или экономические цели. Интересы, побуждающие государства (земли, края или области) к федерации, к объединению в одном союзном государстве могут быть: религиозными или культурными, политическими или социальными; наиболее же существенными и преимущественными в таких случаях являются интересы экономические, военно-стратегические и вопросы политики внешней (международной).

Помимо перечисленных побудительных причин „материалистических“, принуждающих отдельные государства или земли к соединению в федерацию, нельзя не считаться и с категориями характера идеального или морального. Общность кровного происхождения, расовое, национальное или племенное сродство, общность культуры, быта, языка и психологических качеств народов — все это, безусловно, играет не малую роль среди народов и земель, стремящихся к государственному союзу.

Переходя непосредственно к вопросу о федерации Казачьих Земель, следует отметить, что Вольное Казачество, выдвинувшее отчетливо и ясно эту формулу своей государственно-политической программы, принимает в общем тот же принцип и те же основания, на которых создались и существуют все иные современные федерации.

Несомненно, что реальный, глубоко жизненный интерес, интерес общий для всего Казачества, заставляет и должен заставить его стремиться к федерации, к братскому союзу в одном государстве — Казакии. Лишь в собствен-

ном, независимом, в суверенном самодовлеющем союзном государстве каждая казачья Земля, каждый казачий Край, каждое казачье Войско сможет найти полное обеспечение своих исконных прав и свобод. Лишь в своей государственности каждый казачий Край может найти обеспечение сохранения Казачества как такового, обеспечение культурного, экономического и бытового развития. Лишь в Казакии — федерации всех Казачьих Земель — сможет обрести все Казачество в целом гарантии своей государственности вообще.

Каждый казачий Край может сохраниться, развиваться и свободно процветать лишь через свою собственную государственность. Каждая отдельная казачья Земля может осуществить вполне свое право лишь через свой суверенитет. Все же Казачество — все народы Казакии в целом — смогут сохранить и осуществить свою государственность уберечь и обеспечить самостоятельную государственность каждого Края в отдельности только через федерацию всех Казачьих Земель в одном Союзе.

Короче: спасение и будущее каждого казачьего Края — в собственной государственности — в общеказачьей федерации.

Никакая инкорпорация, никакое поглощение Казачества или хотя бы даже „пристройство“ его к чужим силам, к чужой государственности не может обеспечить свободы и прав Казачества в такой полной, безусловной мере, как то гарантирует ему собственное государственное независимое бытие в едином союзном казачьем государстве.

Это, так сказать, — общие политические мотивы в пользу казачьей федерации.

Кроме этого, Казачество должно учитывать и те конкретные вопросы более практического характера, которые реально, со всей очевидностью представляют выгоду всеказачьего Союза. Это, прежде всего — интересы общеказачьи экономические, военно-стратегические и государственно-политические. В свое время мы посвятим специальное внимание каждому из только что затронутых основных вопросов, чтобы более подробно аргументировать вольноказачью программу Казакии, сейчас же ограничимся общей постановкой вопроса.

Казачья федерация — программа Казакии — стремится охватить все Края и Земли Европейского Казачества (семь) и других народов, живущих на или между казачьими территориями. В таком Союзе каждый из отдельных казачьих Штатов будет чувствовать себя в семь раз сильнее в смысле экономическом и политическом. Особенно же выступает на первый план при этом выгода федерации в вопросе обороны казачьей страны и в вопросах внешней (международной) политики. Вопрос военно-стратегический и государственно-политический в данном случае играет решающую, наиважнейшую роль.

Не менее сильным стимулом к объединению Казачества в государственный Союз является одновременно и соображения характера чисто

морального. Общность казачьей самобытной культуры, общность психологического казачьего типа, общность исторического прошлого, одинаковые стремления всех Казачьих Земель к сохранению и утверждению своих исторических прав и самобытности, общие задачи дальнейшего своего исторического развития, своего исторического будущего, а в силу этого общность и современных политических государственных стремлений — все это с непреодолимой силой толкает отдельные казачьи Края друг к другу для слияния в общем союзном государстве — Казакии. И что это так, лучше всего подтверждает недавнее наше прошлое, когда Казачество строило свою государственность и когда на протяжении трех лет было проявлено три инициативы, три попытки к объединению Казачьих и Горских Земель в одном государственным союзе — „Юго-Восточный Союз“, „Дона-Кавказский Союз“ и „Верховный Круг Дона, Кубани и Терека“ (подробнее см. об этом передовую статью „Наши предпосылки в прошлом“ в номере 14 „В.К.“ за 1928 год). Неудача тех стремлений нисколько не говорит против них, ибо не удалась те попытки под давлением внешних сил, а прежде всего единонеделимцев всех цветов, угробивших потом раз'единенное Казачество гораздо легче, чем могли бы они это сделать с ним государственно объединенным и сплоченным.

Во имя успеха нашего дела в будущем, считаем необходимым останавливаться время от времени и на тех возражениях, которые выдвигаются иногда противниками идеи Казакии, будь то противники свои или чужие. Опускаем в данном случае из вида тех из наших противников, которые вообще против всякой казачьей самостоятельности: всем своим таким противникам самостоятельное казачье движение дало уже достойный ответ. Сейчас мы останавливаемся на тех возражениях против идеи и программы Казакии, которые исходят как-будто не от несомненных врагов Казачества, а выдвигаются зачастую мыслью, признающею в принципе право некоторых Казачьих Краев на независимость, но относящих такое свое признание только на Дон и Кубань прежде всего (иногда и исключительно).

Надо при этом заметить, что по существу против казачьей федерации никто и из этих противников не высказался еще ясно, определенно и связно. Никто еще до сих пор не выдвинул против программы союзного казачьего государства, против Казакии, какой-либо системы доказательств, опровергающей необходимость или возможность казачьей федерации. Все возрождения противников и до сего времени носят неясный характер „сомнений“, иногда странных намеков, иногда недостойных насмешек и т. д. Такого рода „аргумента“ пока исчерпываются все возражения противников казачьей федерации (создают „настроение“).

В настоящем своем ответе мы имеем в виду не полемизировать с такими противниками (как и зачем доказывать тому, кто не умеет сам

доказывать или уклоняется от доказательств своих утверждений?), а открыть их подходы, осветить, наоборот, те „пункты“, на которых строят свои якобы возражения наши противники.

В главном все эти возражения сводятся к следующему:

1. Казачья федерация невозможна потому, что Казачьи Земли, помимо казаков, заселены и не казачьим элементом; элемент этот — чуженациональный Казачеству (русские, украинцы) и имеет постоянное стремление к своим национально-государственным метрополиям.

— Несостоятельность и несерьезность такой „аргументации“, выдвигаемой против казачьей федерации, очевидна своею нелогичностью. В самом деле, почему чуженациональный, чуженародный в Казачьих Землях элемент из казачьей федерации будет тянуть к своим метрополиям? Почему эта тяга обнаружится лишь в казачьей федерации? А если бы федерации К. З. не было, а существовали бы отдельные казачьи государства, то тогда как? тогда бы тяги этих чуженациональных элементов из казачьих государств к своим метрополиям не было? Ответ в обоих случаях может быть только один: и при казачьей федерации, и при существовании отдельных казачьих государств действительно чуженациональный элемент (как меньшинство в казачьих Краях) одинаково мог бы обнаружить свое стремление к своим метрополиям (как везде на свете). Признание прав таких меньшинств на их соединение со своими метрополиями выше и преимущественнее прав Казачества на самостоятельность равносильно по существу отрицанию казачьей самостийности, равносильно отрицанию прав Казачества на самостоятельность и государственность на своих исконных исторических территориях. Значит, федерация здесь не при чем, — удар противников направляется не против самой федерации, а против самостоятельного осуществления Казачеством своей государственности вообще.

2. Близко к указанному выдвигают противники федерации и другой вопрос, вопрос национальный в казачьих Краях. Казачья федерация невозможна де потому, что, во-первых, на землях казачьих живет несколько различных национальностей и, во-вторых, национальный состав самого Казачества не однородный (черноморцы, калмыки).

— На первую часть этого вопроса дан уже ответ в предыдущем. Никакие неказачьи национальные меньшинства, живущие в казачьих Краях, не могут служить препятствием к осуществлению казачьей самостийности одинаково — ни в отдельных казачьих государствах, ни в одном союзном казачьем государстве. Существование национальных меньшинств почти во всех государствах мира вообще есть естественное современное явление; территории государственно-национальные и этнографические в настоящее время часто не совпадают и не покрываются одна другой. Мировая (международная) политика, констатируя этот факт и выходя из этого

современного исторического явления, изыскивает всевозможные способы, чтобы, предотвратить всякие конфликты между национальными меньшинствами и государствами, чтобы, не нарушая государственного права (суверенитета) и границ национальных большинств, вместе с тем охранить и обеспечить юридически и права меньшинств. Несомненно, что и казачье союзное государство в отношении своих национальных меньшинств будет проводить и осуществлять эту общую современную политическую линию. Предоставлением национальной автономии своим меньшинствам, т. е. полным охранением и обеспечением естественных прав всех национальностей в казачьих Краях Казачество достигнет государственного равновесия в своих национальных вопросах и тем предотвратит возможность всякой протигосударственной ирридеиты со стороны своих меньшинств.

В этом можно найти вполне удовлетворительный ответ и на вторую часть вопроса о разнонациональном составе самого Казачества и ответ на параллельный вопрос о свободе и праве национальных языков в Казакии. Признание национальных прав за всем населением казачьей федерации исключает какое то особенное и противоположное толкование национальных прав казаков-черноморцев и казаков-калмыков. Общим положительным разрешением национального вопроса казачье государство устраняет этот вопрос и в специальном отношении к казакам и к правам их языка.

„Разнонациональность“ как казачьего, так и неказачьего населения Казакии ни в коем случае не может служить препятствием к созданию Казачеством государственной федерации. Примеры из истории иных европейских и внеевропейских федераций и государств, где разнонациональное население осуществляло свои права в гармоническом сочетании с интересами общегосударственными, вполне подтверждают и оправдывают естественность и возможность, даже необходимость стремлений Казачества к осуществлению своих государственных прав в едином союзном казачьем государстве.

3. Тоже самое надо сказать и относительно возражений противников, выдвигающих вопрос „социального неравенства“ населения Казачьих Земель. Вследствие де того, что население Казакии состоит из казаков и неказаков, государственный союз Казачества невозможен.

— Этот пункт возражений противников федерации своею нелогичностью подобен только что разобранным нами вопросу о неравенстве национальном. И в этом случае отрицание возможности казачьей федерации якобы через неравенство социальное ее населения сводится, в сущности, к отрицанию прав Казачества на государственное бытие, ибо тот же самый вопрос оставался бы открытым и при существовании отдельных суверенных казачьих республик. А если возможно положительное разрешение его для отдельных казачьих государств, то в такой же мере и с таким же успехом возможно по-

ложительное разрешение этого „недоразумения“ и во всем всеказацьем государственном союзе. Действительно, признание казачьей федерацией одинаковых прав гражданства за всем населением Казачьи устранил раз навсегда деление в ней граждан на казаков и неказаков. По программе В. К. все население Казачьи оказывается.

Этим исчерпываются все так сказать внутренние „неясные“ вопросы „препятствующие“ будто бы созданию казачьей федерации. Обратимся теперь к „препятствиям“ „внешним“.

4. Как на одно из „внешних обстоятельств“, мешающих будто бы осуществлению казачьей федерации, противники ее указывают, что слишком большое расширение территории казачьего союзного государства за счет тех земель казачьих Войск (помимо Дона и Кубани), где неказацье население имеет будто бы перевес над казачьим, ставит самих казаков в диспропорциональное отношение ко всей территории федерации; что, якобы, существование такого громадного территориально казачьего союзного государства, где сами казаки являлись бы меньшинством, было бы ненормальным и нецелесообразным. Вывод из этого их утверждения наши противники делают обыкновенно такой: казачье самостийничество, суверенность и государственная независимость Казачества может осуществиться лишь через отдельные самостоятельные государства Дон и Кубань; остальные же казачьи Войска должны остаться в составе соседних с ними государств: Оренбургское, Яицкое (Уральское) и Астраханское — в составе России; Терское, возможно, было бы присоединено к Горцам.

Положительная сторона раз'единения Казачества („выигрыш“!) остается еще неясной и для самих противников Казачьи. В их „аргументации“ можно отчетливо отметить только стремление разбить Казачество, раз'единить, выделить из всего состава Европейского Казачества лишь два, наиболее три самостоятельных государства, — решение же вопроса о судьбе, бытии и будущем остального Казачества остается для них неясным или неопределенным, а вообще по отношению ко всему Казачеству „настроение“ нередко враждебным.

Подчеркиваем при этом еще раз, что и в данном случае мы имеем в виду не открытых врагов Казачества (там все давно ясно), а лишь противников казачьей федерации, противников Казачьи. Должны заметить при этом, что и в аргументах противников, свидетельствующих невозможность федерации диспропорцией казачьего населения и территориальными размерами федерации, а одновременно говорящими в пользу нормальности или необходимости существования лишь отдельных казачьих республик, — мы склонны усмотреть какие то скрытые политические расчеты, могущие (будто бы) предоставить в будущем их теперешним защитникам какие то предполагаемые ими выгоды.

Прежде всего о „диспропорции“ (несоответствии между малым населением и большой

территорией). Во-первых, аргументация диспропорцией не выдерживает по существу критики, ибо эта диспропорция лишь кажущаяся. Численность казачьего населения во всех Казачьих Землях относительно превышает везде численность каждой иной группы населения в отдельности, а часто и всех их, взятых вместе (см. подробнее по этому вопросу статью И. Б. „Казачьи Земли“ в номерах 19 — 23 „В. К.“ за 1928 год). Везде, во всем союзном казачьем государстве казачье население составляло бы наибольшую компактную массу, к тому же — наиболее активную, спаянную единодушием, психологической и моральной общностью, способную сыграть роль ферментирующего, творческого начала в организации всей государственной жизни на землях союза.

Во-вторых, неказацье население на землях казачьих есть население пришлое (колонизаторы!), тогда как казаки владеют своими историческими территориями искони, отстаивали их и свою свободу с великими жертвами и, таким образом, имели бы даже некоторое моральное право на занятие первенствующего положения в государстве, если бы решение вопроса ставилось в такую именно плоскость. Но, главное, в третьих, при уравнивании всего населения казачьей федерации в равноправном гражданстве, — тем самым такие разговоры о казаках и неказаках совершенно отпадают.

Таким образом, аргументы „диспропорции“ казачьего населения в отношении территории казачьего союзного государства отпадают целиком.

5. Точно так же представляется нам и та сомнительная выгода от раз'единения Казачества, на которую, возможно, „рассчитывают“ противники казачьей федерации среди некоторых наших соседей. Конечно, можно предположить, что существование отдельных слабых казачьих государств вместо одного монолитного сильного союзного государства представляло бы большую возможность нашим соседям „комбинировать“ за счет Казачества в своей политической игре, но такая возможность для тех наших соседей, которые сами ведут сейчас борьбу за свою свободу, с нашей точки зрения — едва ли представляла бы из себя действительную выгоду. Отдельные слабые казачьи государства, которые находились бы под перекрестным влиянием своих более сильных соседей, никакой бы действительно реальной силы в борьбе с гегемонией Москвы не имели. Наоборот, вероятнее всего предположить, что при раз'единении Казачества, на шахматной доске Востока Европы наиболее сильным влиянием пользовалась бы сила Московская. Таким образом, и в собственных интересах наших противников из наших соседей было бы как раз осуществление Казачьи. Можем только удивляться, какую, напр., могли бы видеть эти наши противники для себя выгоду в том, что Казачьи Земли Оренбургского, Уральского, Астраханского и Терского Войск

не были бы соединены в союзном казачьем государстве, а остались бы в пределах России или иного какого государства?

Мы думаем, что не только в интересах самого Казачества, но — так же бесспорно, — что будущее существование независимого и сильного союзного казачьего государства — Казакии — и в интересах всех народов, борющихся ныне на Востоке Европы за свое освобождение. Преодолевая в своем освободительном

движении трудности внутренние, ведя борьбу на один фронт внешний, Казачество глубоко верит, что других внешних фронтов у него не будет. Само оно их искать во всяком случае не собирается. Казачество осуществляет свою казачью программу во имя своей свободы, своего права, во имя справедливости и разума, порядка и прогресса, во имя и за свое место под солнцем. Не отказывая в этом другим, оно не поступится и своим в пользу других.

А. Ленивов.

Этапы развития самостоятельности на Дону в 1917—1918 гг. и „Основные Законы Всевеликого Войска Донского“.

Воззвание к Донским Казакам.

Граждане станичники!

Славные Донские казаки!

Свершилось великое дело: Россия стала свободной, и русские граждане завоевали себе долгожданное право — устроить свою государственную, общественную, семейную и личную жизнь на новых светлых началах свободы, равенства и братства.

Тем более такое право принадлежит сынам Тихого Дона, которые много веков тому назад своею кровью и на своих костях создали славное и великое Донское Казачье Войско и так недавно еще вели свою свободную жизнь по своим казачьим законам и обычаям. Огненные Донские казаки должны устроить свою казачью жизнь на своих старинных дедовских выборных началах самого широкого самоуправления и так, как того сами казаки пожелают.

По всей обновленной России освобожденные граждане ее: горожане, крестьяне, рабочие и другие снисхо соединяются в многочисленные, стройные и крепкие союзы, чтобы определить, заявить и отстаивать свои разнообразные нужды.

И только хозяин Донской земли — Тихий Дон — пока еще тихо дремлет в своих привольных степях и не молвит своего казачьего слова о своих думах, о своих чаяниях...

Но пора пробудиться... Пора вместе с весной природы и весной новой гражданской жизни нашему батюшке-кормильцу Тихому Дону — вздрогнуть в своих берегах от подневольного долгого сна, пора поднять свои чистые синие воды, разлиться с низу до верху в незримые ширь и даль своих степей и пора, пора спок койно, но величаво и громко кликнуть клич своим детям, ныне вольным Донским казакам:

„Собирайтесь, Донцы, во единый круг! Час долгожданной казачьей свободы настал! Вековые оковы казачьей вольности спали! Донские казаки сами, по своей воле и своим обычаям, должны устроить теперь свою казачью жизнь. Спешите по хуторам и станицам и собирайтесь! Собирайтесь на местах в союзы хуторские и станичные. Совещайтесь о своих нуждах, выясняйте свои пожелания, охраняйте свои права и шлите своих лучших посланцев в Войсковой Союз Донских Казаков в столицу Донского Войска — г. Новочеркасск. И здесь, в главном городе Войска, ваши надежные посланцы от всех станиц соберут воедино свои голоса и именем всех Донских казаков славного и великого Войска Донского скажут одно ясное и крепкое „Войсковое“ слово:

Желаем, чтобы отныне Войско Донское само вело и само решало свои казачьи дела. Желаем жить на родной Донской земле по своим казачьим обычаям и законам. Заявляем, что не учиним обиды иногородним жителям Войска Донского, которым до сего времени либо было мирно жить и трудиться среди нас, казаков, ибо казак, сам вольный сын степей, ценит и уважает чужую свободу.

Желаем, чтобы Войско Донское отныне управлялось так, как порешит Войсковой Казачий Круг, со-

бранный из Донских казаков, и твердо верим, что каждый казак будет отныне свято хранить возрожденные заветы седой казачьей старины.

Собирайтесь же вместе, Донские казаки, чтобы дружной семьей возродить былые казачьи вольности, самим устроить свою жизнь на новых свободных началах и в благоустройстве, довольстве и счастье передать наследие наших отцов и дедов нашим детям и внукам“...*)

С подобным обращением ко всем Донским казакам выступил в марте 1917 года образовавшийся в г. Новочеркасске Союз Донских Казаков.

Февральская революция 1917 года принесла Дону долгожданную свободу, которая и в эти дни была взята Донскими казаками не без борьбы... Образовавшийся в г. Новочеркасске Областной Исполнительный Комитет, организация возникшая революционным путем, не только фактически, но и формально захватив власть в свои руки, приступил к захвату власти на Дону, стремясь парализовать тенденции казаков, занять господствующее положение на территории Дона. Сделанный в этом направлении определенный политический ход, именно — созыв Областного, а не Войскового Съезда, ясно и определенно указал, что ждет Донское Казачество в будущем. Именно этот момент и явился поворотным камнем в развитии дальнейших событий: на сцену вышел образовавшийся Союз Донских Казаков с его программой...

„17 марта — день заслуживающий быть отмеченным в казачьей истории, как день собиранья казачьих сил, создания первого казачьего объединения, пробуждения казачьего самосознания, как первый поворотный пункт от революционного угара к исторической дороге восстановления свободного уклада казачьей жизни и, наконец, день, когда был нанесен первый удар всем тем, кто хотел обезличить казачество и в корне заглушить всякую возможность казачьего объединения“...*)

Итак, Донское Казачество не потерпев узурпирования своих прав и похода чуждых ему элементов против „казачьей гегемонии“, предъявило свои права во всеобъемлющей форме и приступило к защите оных прав, желая „чтобы отныне Войско Донское само вело и само решало свои казачьи дела“.

„Февральский переворот 1917 г. сделал Дон автономной провинцией Российской республики с казачьим Войсковым Кругом и выборным (после 194-летнего перерыва) Атаманом“...**)

Итак: политическое самосознание Донских Казаков, определившееся в революционные дни 1917 года, дало минимум и максимум того, что оно могло дать, именно „Донская Область составляет неотделимую часть Ве-

*) Выдержка из воззвания Союза Донских Казаков в марте 1917 года.

***) Г. П. Янов. Революция и Донские казаки. — „Донская Летопись“ т. 2. 1923 г.

****) С. Г. Сватиков. „Россия и Дон“ (1549 — 1917). стр. 4.

ликой Российской Демократической республики, имея широкое местное самоуправление***) т. е. автономизацию своих прав.

Прошел известный период времени и Донское Казачество стоит перед фактом новой революции в России, — октябрьский переворот 1917 года.

25 октября (7 ноября) — дата обнародования декларации, согласно коей Войсковой Атаман ген. А. М. Каледин провозгласил принятие Войсковым Правительством на себя высшей государственной власти в пределах Донского Войска. Далее в этой декларации говорилось о том, что Область Войска Донского провозглашается независимой впредь до установления в России законной государственной власти, всем народом признанной. 3-й Войсковой Круг, состоявшийся в г. Новочеркасске с 2-го по 13-ое декабря 1917 г., в заседании своем от 4-го декабря провозгласил Дон „автономной провинцией“. Необходимо особо отметить, что на 2-ом Войсковом Круге (Калединовском), происходившем в г. Новочеркасске с 5 по 14 сентября 1917 г., было высказано пожелание о федеративном устройстве России, и уже в этом-же месяце (сентябре) в г. Екатеринодаре состоялись совещания из представителей Донского, Кубанского и Терского Войск по вопросу об образовании Юго-Восточного Союза (прообраз будущего казачьего государства — Казакии). Состоявшиеся совещания представителей разных казачьих Войск в месяце октябре в г. Владикавказе, закончились подписанием договора об образовании Юго-Восточного Союза, в день 20 октября 1917 года. В состав Юго-Восточного Союза вошли Донское, Кубанское, Терское, Астраханское и Калмыцкое казачьи Войска, а также и Горцы Кавказа. Несколько позже в состав Юго-Восточного Союза вошли, как Оренбургское, так и Яицкое казачьи Войска.

3-ий Войсковой Круг, об'явив 4 декабря 1917 года Дон „автономной провинцией“, 10 декабря постановил — а) Принять Войсковому Правительству всю полноту власти до создания законной всероссийской власти, б) подтвердить необходимость безусловного исполнения населением приказаний Войскового Атамана и Войскового Правительства. Согласно воле 3-его Войскового Круга, Дон стал самостоятельным впредь до установления законной власти в России.

„10 декабря 1917 г. Дон стал, несмотря на оговорки, самостоятельным государством“.***)

Итак: политическое самосознание Донских казаков, в дни октябрьской революции (большевицкой) в России, дает минимум и максимум того, что оно может дать, именно „об'явление Дона самостоятельным государственным образованием вплоть до образования общепризнанной законной Российской власти“.

В тягчайшие минуты Дона, когда во исполнение приказа Московского совета народных комиссаров, красновардейские части шли стереть с лица земли непокорное Донское Казачество, в г. Новочеркасске собрался Войсковой Круг (4-ый), который и вынес следующее постановление от 6 февраля 1918 года:

„1) Войсковой Круг единогласно постановил: защищать Дон до последней капли крови.

2) Войсковой Круг об'являет себя верховной государственной властью в области Войска Донского со всей присущей ей властью.

3) Войсковым Атаманом должен быть донской казак, которого Войсковой Круг облакает всей полнотой власти“, и т. д. и т. д.

Суверенная власть Дона существовала однако недолго, ибо уже 12 февраля 1918 года г. Новочеркасск был занят большевickими частями и Войсковой Круг разогнан. Не взирая на то, что символ Донской государственной власти в лице Войскового Атамана и Войскового Круга — перестал существовать, идея преемственности верховной казачьей власти на Дону, была сохранена Походным Атаманом с его отрядом Вольных Донских казаков. 16 марта 1917 года в хут. Веселом

(хут. Богаевской стан.), Походный Атаман ген. майор П. Х. Попов отдает приказ, которым все Донские партизанские отряды вышедшие с ним из Новочеркаска, сводятся в одну группу и получают общее наименование — „Отряд Вольных Донских казаков“ — задача ко-его состоит в сохранении кадров к будущему восстанию Донских казаков против большевиков.

„В истории повстанческого казачьего движения одним из важнейших факторов является „Степной Отряд“ генерала Попова. Он сохранил идею казачьей борьбы с советской властью, он спас честь и знамя Вольного Казачества. Он служит связующей нитью между временем Каледина—Назарова и временем Краснова—Богаевского, он дает право утверждать: — Казачество не прерывало своей вооруженной борьбы с большевиками“.*)

„Приказ № 3. Станицы Бесергеновская—Заплавская. 11-го апреля 1918 года.

После тяжелого похода в станицу Раздорскую прибыл во главе своего отряда Походный Атаман генерал-майор Петр Харитонович Попов. Временное Донское Правительство в полном единении с доблестным командованием Донской Армии решило для пользы дела и успешности борьбы против насильников над Донским Казачеством — передать высшее командование и полноту военной власти Походному Атаману генерал-майору П. Х. Попову.

Временное Донское Правительство, избранное и облеченное доверием восставших казаков оставляет за собой, до созыва Круга Спасения Дона, всю полноту гражданской власти и высший контроль по всем вопросам, связанным с успешностью борьбы против большевиков.

Круг Спасения Дона должен быть создан немедленно-же по освобождении столицы Дона от большевиков.

Временное Донское Правительство в настоящее время приступило к предварительной работе по созыву Круга.

О порядке выборов, числе уполномоченных и дне созыва — Временное Донское Правительство своевременно известит станицы, хутора, полки и дружины.

Председатель Временного Донского Правительства: Г. Янов. Товарищи Председателя: Есаул Ф. И. Бабкин, М. А. Горчуков. Секретарь П. Сычев“.

Несколько позже, именно 15 апреля, Временное Донское Правительство разослало по станицам и хуторам, следующее обращение:

„Казак! близится светлый час освобождения родного края, изстари знаменитого Войска Донского от насильников и грабителей, красновардейцев — купленных слуг проклятой власти большевиков.

Разорена наша родная земля, унижен и оскорблен Тихий Дон, но с Божьей помощью начатое вами дело освобождения станиц от красного засилья близится к концу.

Необходимо последнее усилие и казачий подвиг восстания — не забудется во веки веков.

Но рядом с вашими подвигами необходима усиленная работа по воссознанию мирной жизни и укреплению законности и порядка на родной земле.

Вами с огромными жертвами и рядом подвигов освобождается Тихий Дон, вашим же разумом и волею должна быть организована и Власть, избраны люди способные упрочить казачью победу.

По исконному казачьему обычаю, по заветам прадедов — все дела Войска решаются Войсковым Кругом.

Временное Донское Правительство считает необходимым созвать „Круг Спасения Дона“, лабы Круг установил порядок, законность и, избрав Всейского Атамана, тем самым помог бы всю борьбу с большевиками довести до конца“, и т. д.

28 апреля 1918 г. в освобожденной столице Донского Войска — г. Новочеркасске открыл свои действия собравшийся „Круг Спасения Дона“, который и избрал Донским атаманом — ген.-м. П. Н. Краснова и принял

*) Постановление Войскового Казачьего С'езда, состоявшегося в г. Новочеркасске 16 апреля 1917 года.

***) С. Г. Сватиков. „Россия и Дон“ (1549 — 1917) 1924 г.

*) К. П. Каклюгин „Степной Поход в Задонье 1918 года и его значение“. „Донская Летопись“ т. 3-ий стр. 9.

для управления Войском „Основные Законы Всевеликого Войска Донского“.

28 апреля (11 мая) 1918 г. собрание представителей Донских войсковых частей, изгнавших большевиков, провозгласило себя „Кругом Спасения Дона“. 3 (16) мая Круг принял на себя „всю полноту верховной власти“, создавши, таким образом, и фактически, и юридически, новое государство, под именем: „Всевеликое Войско Донское“. В тот-же день избран был и Атаман П. Н. Краснов. 4 (17) мая Круг утвердил „Основные Законы Всевеликого Войска Донского“.*)

Итак: политическое самосознание донских казаков в дни восстания Дона против советской власти (весна 1918 года), дает то, что оно может дать, именно „объявление Дона государством“ — впредь до...

23 мая 1918 года последовала Декларация Всевеликого Войска Донского ко всем государствам: в этой декларации указывалось следующее:

1) „Впредь до образования в той или иной форме Единой России, Войско Донское составляет самостоятельную демократическую республику, мною возглавляемую (т. е. Атаманом Красновым).“

2) На основании ранее, 21 октября 1917 года, при Атамане Каледине, заключенных договоров, Донская Республика, как часть целого, входит в состав Юго-Восточного Союза — из населения территорий Донского, Кубанского, Терского и Астраханского Казачьих Войск, горских народов Северного Кавказа и Черноморского побережья, вольных народов степей юго-востока России, Ставропольской, Черноморской губернии и части Царицынского уезда Саратовской губернии, и обязуемся поддерживать интересы этих государств и их законных правительств.

5) И впредь Донское Войско желает жить со всеми народами в мире на основах взаимного уважения прав и законности и соблюдения общих интересов.

6) Донское Войско предлагает всем государствам признать его права, впредь до образования в той или иной форме единой России, на самостоятельное существование и государствам, заинтересованным в торговом или иных отношениях прислать в Войско, в его столицу Новочеркасск своих полномочных представителей или консулов.

7) В свою очередь Донское Войско пошлет в эти государства свои „зимовые станицы“, то есть посольства, для установления дружеских отношений“.

Несколько позднее, именно от 6 июля 1918 года, за № 447 по Всевеликому Войску Донскому был отдан приказ, коим устанавливалась форма присяги для казаков Христианского исповедания и для казаков Буддийского исповедания.

Форма присяги для казаков Христианского исповедания:

„Обещаю честью Донского казака перед Всемогущим Богом и перед Святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству. Обещаю служить ему до последней капли крови, всеми силами способствуя славе и процветанию Войска Донского. Обязуюсь повиноваться Большому Войсковому Кругу и избранному Им Донскому Атаману. Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не щадя жизни ради блага Отечества.“

Обещаю повиноваться всем поставленным надо мной начальникам, чиня им полное послушание во-всех случаях, когда этого требует мой долг Донского казака и Войска. Обещаю быть честным, добросовестным, храбрым казаком и не нарушать своего обещания из-за корысти, родства, дружбы или вражды.

В заключение данного мной обещания осеняю себя крестным знамением, целую Святое Евангелие и Честный крест и нижеподписуюсь“.

*) С. Г. Сватиков. „Россия и Дон (1549—1917)“, стр. 5. 1924.

Форма присяги для казаков Буддийского исповедания аналогична приведенной выше.

Вновь образованное самостоятельное государство — Всевеликое Войско Донское, встретило известные затруднения со стороны других государств, в смысле признания его (В. В. Д.) государственной суверенности, как самостоятельного государства. Обстоятельство это находит известное объяснение в некоторых документальных данных, представленных ген. Черячукиным, Атаманом Зимовой станицы В. В. Д. на Украине.*)

Министерство
иностраннх дел
Департамент иностраннх сношений
8-го июля 1918 года
17-го дня

№ 6024.
г. Киев.

Господину Атаману
Всевеликого Войска Донского.

Правительство Украинской Державы неизменно, стремясь к дружбе и мирному сожительству с близким мужественным Донским Казачеством и приветствуя стремления Всевеликого Войска Донского к державной самостоятельности, было-бы весьма радо вступить в тесные добрососедские взаимоотношения с Всевеликим Войском Донским, как с суверенной, окончательно определенной и ни от кого независимой Державой на незыблемых началах взаимности и равенства.

Однако в 1-ом пункте Декларации Всевеликого Войска Донского объявляется, что „Войско Донское составляет самостоятельную Демократическую Республику“ лишь впредь до образования в той или иной форме России, а в пункте 6-ом Донское Войско предлагает всем государствам признать его права на самостоятельное существование опять таки лишь впредь до образования в той или иной форме единой России.

Таким образом согласно декларации государственная организация Всевеликого Войска Донского в настоящий момент носит лишь временный характер, что к сожалению, чрезвычайно затрудняет возможность решения, поднятого в пункте 3-ем декларации вопроса об установлении точных границ между Донским Войском и Украиной, несмотря на все доброе желание Украинской Державы возможно скорого и окончательного, а не временного лишь решения этого весьма важного государственного вопроса.

Находя с своей стороны весьма ценным и необходимым установление постоянных взаимоотношений между суверенными Державами Дона и Украины, Правительство Украинской Державы верит, надеется и искренно желает, чтобы всякие препятствия к этому были устранены, как можно скорей.

Подписали: Председатель Совета Министров Лизогуб. Управляющий Министерством Иностраннх Дел Дорошенко“.

Ответом на эту ноту явился следующий ответ с Дона.

Председатель
Совета Управляющих Отделами

и
Управляющий
Отделом Иностраннх Дел
Правительства
Всевеликого Войска Донского

20 июля 1918 г.

№ 313.

г. Новочеркасск.

Ясновельможному Пану
Гетману Всея Украины.

Нотой от 17-го июля сего г. за № 6024 Правительство Украинской Державы заявляет о неизменном желании жить в дружбе с Всевеликим Войском Донским, как с суверенной и независимой Державой: единственное препятствие к признанию Дона самостоятельным и к установлению необходимых добрососедских отношений и к разрешению вопроса о границах, Украинское

*) А. В. Черячукин. „Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918—1919 г.г.“ — т. 3-ий. „Донская Летопись“ стр. 191.

Правительство видит в §§ 1 и 6 Декларации Всевеликого Войска Донского, в которых как-будто Его Правительство просит о признании Всевеликого Войска Донского самостоятельным и суверенным лишь временно впредь до образования в той или иной форме единой России.

Всевеликое Войско Донское, уже существовавшее, как самостоятельное государство с 1570 года по 1645 год в настоящее время, отделившись от советской России, объявляет себя вновь вполне самостоятельным ни от кого независимым, окончательно определенным и суверенным государством и со своей стороны стремясь к самой тесной дружбе и мирному сожительству с Украинской Державой предлагает всем государствам признать его таковым.

Вместе с сим Правительство Всевеликого Войска Донского постоянно стремясь к поддержанию и развитию дружественного и мирного сожительства с Украиной и признав необходимым для блага населения и развития экономических условий Всевеликого Войска Донского жить в самой близкой дружбе с Украиной, каков-бы строй не был в России, полагает, что наличие §§ 1 и 6 Декларации отнюдь не должны вызывать толкования о расхождении Всевеликого Войска Донского с Украиной, в случае образования единой России, а лишь предусматривать, что, если когда-нибудь возродится Россия, то и тогда Всевеликое Войско Донское, отделившееся в настоящее время от нее в самостоятельное государство, соблюдая дружбу и связь с Украинской Державой, не изменит Украине своей дружбой.

Правительство Всевеликого Войска Донского, полагая, что образование единой России без Украины и Дона, этих мощных самостоятельных государств с большими территориями и природными богатствами, немыслимо, — считает, что §§ 1 и 6 не могут служить препятствием к тесному сближению и неразрывной дружбе Украины и Всевеликого Войска Донского, как соседних самостоятельных и суверенных Государств, идущих совместно по пути взаимной поддержки, независимо от того, как-бы ни развернулись события в будущем.

Правительство Всевеликого Войска Донского убеждено, что настоящие намерения помогут скорейшему и окончательному разрешению и установлению постоянных государственных взаимоотношений между двумя суверенными державами Украиной и Доном на незыблемых началах взаимности и равенства.

Председатель Совета Управляющих Отделами и Управляющий Отделом Иностранных Дел Богаевский. Секретарь Отдела Иностранных Дел Н"...

В результате этих дипломатических отношений состоялось официальное подписание договора между Доном и Украиной в день 26 июля 1918 года.

Параллельно с этим, необходимо отметить, что в период 9—24 мая 1918 года было подписано соглашение между Доном и Кубанью, имевшее целью создать на Доно-Кубанской территории „твердый государственный порядок“ и „обеспечить на будущие времена политическую и экономическую свободы и независимость населения Дона и Кубани“.

Идея образования Юго-Восточного Союза, народившаяся в дни Атамана Каледина, была вновь проводима в жизнь при Атамане Краснове. 28 июня и 4 июля в г. Новочеркаске состоялись совещания по вопросу об образовании Доно-Кавказского Союза: на совещаниях присутствовали и принимали участие в подготовительной работе — представители Всевеликого Войска Донского, Кубанского, Астраханского, Калмыцкого казачьих Войск и горцев Северного Кавказа. Результатом этих работ явилась декларация Доно-Кавказского Союза, которая однако не была утверждена некоторыми Войсками (в частности Кубанским под давлением ген. Деникина).

„Декларация Доно-Кавказского Союза:

... в видах государственной необходимости Атаманы: Всевеликого Войска Донского, Войска Кубанского, Войска Астраханского, Войска Терского и председатель союза горцев Северного Кавказа, беря на себя всю полноту Верховной государственной власти, настоящим

актом провозглашают суверенным государством Доно-Кавказский Союз.

Объявляя об этом, просим Вас, Милостивый Государь, передать Вашему правительству нижеследующее.

1) Доно-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Войска Кубанского, Войска Терского, Войска Астраханского, Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации.

2) Каждое из государств ... управляется во внутренних делах своих ... на началах полной автономии.

3) Законы ... разделяются на общие и местные.

4) Свой флаг, печать и гимн.

5) Верховный совет (Атаманы или их заместители и главы союза горцев и Дагестана), избирающие из своей среды председателя, исполняющего постановления Верховного Совета.

6) При Верховном Совете — Сейм.

7) О собраниях Сейма.

8) Доно-Кавказский Союз имеет общие армию и флот. Командующий назначается Верховным Советом.

9) Общие министры — Иностранных дел, Военный и Морской, Торговли и Промышленности, Путей сообщений, Почты и телеграфа, Государственный Контролер и Государственный Секретарь.

10) Временная резиденция — Новочеркаск.

11) Общие — монетная система, кредитные билеты, почтовые и гербовые марки, тарифы: железнодорожный, таможенный и портовый, а также почтовые и телеграфные.

12) Доно-Кавказский Союз объявляет, что он находится в состоянии нейтралитета и не будучи в положении войны с какой-либо Державой мира, борется лишь с большевистскими войсками, находящимися на его территории.

13) Доно-Кавказский Союз не допускает вторжения на свою территорию никаких войск.

14) Доно-Кавказский Союз настоящим заявляет свое намерение вступить в торговые и иные сношения с Державами, которые признают его державные права.

15) Границы ... и по стратегическим соображениям, южная часть Воронежской губернии со станцией Лиски и городом Воронежом, а также часть Саратовской губернии с городами Камышиным и Царицыным и колония Сарепта.

16) Доно-Кавказский Союз выражает уверенность, что народное его будет благоприятно принято всеми Державами, заинтересованными в его существовании, и что они не замедлят прислать своих представителей, равно как и Союз не замедлит послать свои дипломатические миссии к признавшим его Державам“.

15 августа 1918 года в г. Новочеркаске начал свои работы 4-ый Большой Войсковой Круг (1-ая сессия), который разработал и принял в заседании своем от 15 сентября 1918 г. — „Основные Законы Всевеликого Войска Донского“. — опубликованные для всеобщего сведения в день 4 октября 1918 года.

Основные Законы Всевеликого Войска Донского:

Часть общая.

Раздел I. — Глава I.

1) Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства.

2) Верховная и законодательная власть в пределах Войска Донского принадлежит Войсковому Кругу.

3) Высшая исполнительная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Донскому Атаману.

4) Судебная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Судебным Установлениям и лицам, осуществляющим ее именем Закона.

Часть особенная.

Раздел II. — Глава III.

Предметы ведения Войскового Круга.

9) Войсковому Кругу принадлежит право:

а) Издавать, изменять, дополнять и отменять законы

б) Избирать Донского Атамана.

з) Объявлять войну и заключать мир.

й) Утверждать политические и торговые договоры, а равно все те, которые сопряжены с обязательствами

Войскового Казначейства, или исполнение которых требует изменения или дополнения действующих Законов.

к) Предъявлять запросы Правительству.

м) Предавать суду членов Круга, Атаманов, Управляющих Отделами, Войскового Контролера и Войскового Секретаря.

Раздел III. — Глава V.

О Донском Атамане.

19) Донской Атаман есть Глава Всевеликого Войска Донского.

20) Донской Атаман избирается Войсковым Кругом из Донских казаков на три года.

Глава VI.

Права и обязанности Донского Атамана.

22) Донскому Атаману принадлежит право Законодательной инициативы.

24) В случае несогласия Атамана с принятым Войсковым Кругом законом, он имеет право в течение того-же недельного срока возвратить его Кругу для вторичного рассмотрения.

Примечание: Право Атамана на возвращение Закона для вторичного рассмотрения Кругу не распространяется на Основные Законы.

39) За свои приказы и распоряжения Атаман несет ответственность вместе с скрепившим их Управляющим Отделом перед Кругом.

Глава VII.

42) По своем избрании Донской Атаман в Войсковом Соборе перед св. Крестом и Евангелием под Войсковыми Знаменами приводится Архиепископом Донским и Новочеркасским к присяге Войску Донскому, которую приносит в последующей форме:

Именем Бога Всемогущего перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, перед Атаманскими войсковыми знаменами, кровью казацкой полтигми, обещаюсь Войску Донскому служить не щадя живота своего, до последней капли крови и все к славе и процветанию Войска Донского направлять и законы для того устанавливать, по крайнему своему разумению и силе, спешествуя всему, что к Войску Донскому верной службе и пользе Государства относиться может.

Господи Боже Отцов и Царю Царствующих, настави, вразуми и управи мя в великом служении, на которое я Войсковым Кругом, Атаманами молодцами, избран и поставлен. Да будет со мною присядающая Престолу Твоему Премудрость пошла с небес Святых Твоих, да разумеют, что есть угодно пред Очами Твоими и что есть право по заповедям Твоим. Буди сердце мое в руку Твою. Аминь*.

Раздел V. — Глава IX.

О Войсковом гербе, флаге и национальном гимне.

45) Войсковой герб Войска Донского есть в голубом щите черный, стилизованный степной „Елень (олень) пронзен стрелой“ — старый герб до-Петровского Донского казачества. Этот герб изображается на печати Войсковой в круге, с надписью кругом: „Всевеликое Войско Донское“.

46) Донской флаг, ныне уже существующий, состоит из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой, означающих национальные цвета издревле живущих на Донской земле трех народностей: донских казаков, калмыков и русских крестьян.

47) Национальным гимном Всевеликого войска Донского признается гимн: „Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон“.

О Совете Управляющих и самих Управляющих Отделами.

48) Совет Управляющих Отделами Войска Донского объединяет все ведомства Войска и является высшим Правительственным Органом.

50) Ведению Совета Управляющих подлежат:

1) Управление Войском Донским на точном основании законов.

55) Совет Управляющих и каждый Управляющий обязаны отчетом и ответственны перед Войсковым Кругом и Атаманом.

57) За преступные по должности деяния Председатель Совета Управляющих, Управляющие отделами и Войсковой Секретарь подлежат гражданской и уголовной ответственности на основаниях в законе определенных.

Раздел V. — Глава X.

О правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого Войска Донского.

60) Защита отечества есть священная обязанность каждого казака и гражданина Войска Донского. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности согласно постановлениям закона.

Раздел VI. — Глава XII.

72) Законы вступают в силу с момента окончательного принятия Войсковым Кругом и по обнародовании установленным порядком, если в самом законе указан срок вступления его в силу или если не указано на обращение его до обнародования к исполнению по телеграфу или через нарочных.

Раздел XI. — Глава XVII.

95) Основные Законы могут быть отменены и дополнены при условии принятия законопроектов в двух смежных сессиях Войскового Круга...

Председатель Большого Войскового Круга:

В. Харламов.

Секретарь Круга: Ф. Крюков.

Итак: в первую сессию 4-ого Большого Войскового Круга (15 августа — 15 сентября 1918 года) были приняты „Основные Законы Всевеликого Войска Донского“, коими и была установлена полная государственная независимость Дона и притом без всяких оговорок.*) Эти „Основные Законы Всевеликого Войска Донского“ имели силу действия на Дону от 4 октября 1918 года (дата обнародования) в течение всего последующего времени (1918—1919—1920 г.г.) и никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах не подвергались изменениям, ибо „все законы и постановления, принятые Кругом, обнародуются во всеобщее сведение в официальном органе Войскового Правительства или иным способом, в законе указанным“ — („Положение о Войсковом Круге“ — принято Большим Войсковым кругом Всевеликого Войска Донского 24 августа 1918 года) „причем § 95 „Основных Законов Всевеликого Войска Донского“ -- гласит, что „Основные Законы могут быть отменены и дополнены при условии принятия законопроектов в двух смежных сессиях Войскового Круга“.

Изложенные в настоящем кратком очерке, официальные данные, определяющие собой степень развития самостоятельности у Донских казаков в период 1917—1918 г.г., считаем необходимым и показательным добавить, что в январе 1920 г. особым соглашением между собой, Дон, Кубань и Терек образовали Союзное Государство с законодательным органом в лице „Верховного Круга Дона, Кубани и Терек“, ведшего государственную работу с 5 (17) января 1920 г. до 26 февраля 1920 г. (момент оставления г. Екатеринодара и отход к Новороссийску).

*) Прим. „Основные Законы Всевеликого войска Донского“, принятые „Кругом Спасения Дона“ в день от 4 мая 1918 года и установившие самостоятельность Донского Государства впредь до образования общепризнанной Российской власти, были отменены новым изданием „Основных Законов Всевеликого Войска Донского“ в день от 15 сентября 1918 года.

Казачеству гораздо легче добиться полной самостоятельности, чем автономии или федерации в России.

Шамба Балинов.

Чем было Казачество.

(Продолжение).

С 1094 года в русских летописях перестают говорить о Тмутараканском княжестве. Это обстоятельство дает основание русским историкам утверждать, что славянское население Тмутаракани и само княжество совершенно было уничтожено новыми степными завоевателями — половцами.

Но в истории нет примера, чтобы какой нибудь народ, имевший многовековую историю, привязанный к определенной территории, хорошо приспособленный к природным условиям местности, имевший организованную государственную жизнь, — бесследно исчезал.

Точно также и население Руси Приазовско-Подонской (Тмутаракань) исчезнуть не могло, как не могли их, прекрасных воинов, искусных моряков, всех поголовно вырезать новые завоеватели, половцы, которые и чисто по эгоистическим, государственно-политическим соображениям делать этого не могли: это им было просто не выгодно.

Нет, славяно-русы Тмутараканского княжества жили и не переставали занимать свою древнюю землю: они только вошли в состав нового государства кочевых народов, с которым сжились и к которым уже достаточно хорошо приспособились.

Неупоминание в русских летописях о славянах Тмутараканского княжества казацкие историки объясняют так: под влиянием тех военно-политических событий, какие совершались тогда на Востоке Европы, в силу наступившего (после смерти в 1054 г. в. кн. Ярослава), длительного периода междоусобной войны князей — началась дифференциация до этого более или менее единого славянского народа на Востоке Европы; наметились и пути, по которым эти деления пойдут. Например, немного раньше „часть алан и черкас (касогов или касахов) Святослав после удачного похода на Хозарию, переселил на Днепр, где они, вместе с прибывавшими впоследствии другими тюрко-татарскими племенами, смешавшись с местным славяно-русским населением, усвоив его язык, образовали особую народность, дав ей свое этническое имя черкасов (черные клобуки). Из этих черкасов и вышло затем поднепровское казачество с Запорожьем“. (Степнев). В это время наметились те точки, основные „ячейки“, из которых потом образовались те народно-государственные организмы, которые впоследствии будут называться Русью Юго-Западной, Русью Северо-Восточной и отдельно от них — Русь Юго-Восточная (Казакья).

Население этих государственных организмов, в силу разрыва связи, попадает в различные географические, экономические и бытовые условия; жизнь и развитие их протекает в различной духовно-психологической атмосфере. В Восточной Руси широким потоком начинает вливаться финская кровь; влияние тюркского элемента в кровь народа Юго-Восточной Руси (Казакья) еще более усиливается; народ, который называется чигами, казаками, черкасами, кабарями (все они являются тождественными, заменяющими одно другое) совершенно смешивается с населением Тмутаракани.

Таким образом наступает полный разрыв между отдельными частями славяно-русов Востока Европы и, естественно, что для Северо-Восточной Руси, следовательно, и для русских летописцев, Русь Юго-Восточная (Казакья) становится „земля незнаема“.

Но через сто с лишним лет, а именно с 1147 г., русские летописцы уже снова говорят о славянском населении Тмутараканского княжества, но только называют их не славяно-русами, а „бродниками“. Эти „бродники“, согласно русской летописи, а на самом деле старое славяно-русское население Тмутараканского княжества, живут на той же территории славяно-русов, представляя из себя уже сложившуюся народность, стойкую, способную на противодействие чужому влиянию, что дало им возможность и под владичеством половцев сохранить свой славянский тип, язык, свою христианскую религию. У этих „бродников“ были свои города, церкви, существовало даже земледелие, что совершенно

противоречит предположению русских историков, которые производили это название от слова „бродить“, т. е., что „бродники“ были, мол, бродячие люди, бездомные скитальцы, случайно забредшие на Дон.

Но что это не так, что „бродники“ были именно то же славянское население Тмутараканского княжества, свидетельствует и русский историк Голубовский, который пишет: „бродники есть община, выработавшаяся из остатков подонского населения, вследствие исторических и этнографических условий, в которые это население было поставлено... Бродники жили в восточной части степи — в Подоньи и по берегам Азовского моря; они исповедывали православие и участвовали в предприятиях половцев“.

А один иностранный ученый пишет, что „те бродники, презирающие смерть, ветвь русских (русов); и они народ, повинующийся Богу войны (воинственный)“, т. е. народ живший на своей территории еще со времен Хозарской империи.

Посол Людовика Св., Рубруквис, о бродниках говорит следующее: „от смешения алан с русами образовался особый народ“..., т. е. опять говорит, что бродники то же славяно-русское население Тмутараканского княжества.

Казацкие историки название „бродники“, установившееся за населением Тмутараканского княжества, объясняют следующим образом: в те времена всякое славяно-русское население и его войско входило в состав того или иного русского княжества; славяно-русское же население Тмутараканского княжества не входило ни в какое княжество, а войско его помогало и воевало с кем хотело, и в этом смысле было „бродячим“. Название бродников население Подонья получило по государственно-политическому признаку, а не по социально бытовому (Быкадоров).

— „Из смешения русов с тюркскими племенами образовалась новая народность — бродники. Название это, конечно, не этническое, а бытовое и профессиональное, могло быть дано потому, что, очевидно, они из войны сделали себе род ремесла, как средневековые швейцарцы или ландскнехты, и участвовали в войнах на стороне различных суверенов из-за материальных выгод — „бродили“ от одного к другому. Возможно и другое объяснение: бродникам поручалась охрана бродов на Дону и по другим рекам“. (Степнев).

Бродники, входя в состав половецкого государства, участвуя в войнах вместе с ними, часто действуя и самостоятельно, имели свое особое общественное и военное устройство, управление, свое войско, приобрели широкую известность в Европе.

Они представляли из себя настолько серьезную организованную силу, что появившиеся в первой четверти XIII ст. на Востоке Европы новые кочевые завоеватели — монголы — установили с ними добрые взаимоотношения. Во время первого монгольского нашествия, в битве на Калке в 1223 г., бродническое войско под водительством своего воеводы Пласкини, дралось против половцев и русских князей на стороне монголов. Поэтому совершенно естественно, что „бродники“ в течение всего времени владычества монголов на Востоке Европы до конца XIV ст., будучи „на хорошем счету“ у монголов, сохранили в полной неприкосновенности свое народно-общественное устройство, свою религию, свою военную организацию, широкую национальную автономию. Если же принять во внимание существовавшую у монголов определенную политическую систему — не вмешиваться во внутреннюю жизнь уже покоренного народа и полную веротерпимость, то легко можно себе представить, что бродники при монголах сохранили в полной неприкосновенности свое национальное лицо, внутреннее устройство своей народной жизни. Это тем более было доступно бродникам, они тем более легко поддавались под защиту этой монгольской политической системы, что они, бродники, с самого начала появления монголов явились их верными союзниками.

Поэтому они пользовались в полной мере всей „льготой“, предоставляемой этой монгольской системой и сохранили в полной неприкосновенности все исторически сложившееся у них: прежнее внутреннее устройство народной жизни, управления, организации, народно-хозяйственной деятельности, быта и пользовались полной свободой вероисповедания. В 1261 г. для этого броднического народа была учреждена Подонская епархия.

В период монгольского владычества на Востоке Европы (1240—1400), в государственной системе Золотой Орды население Северо-Восточной Руси (Москва), как земледельческое, играло роль поставщика материальных средств для завоевателей, т. е. для монголов; бухарцы, хивинцы, камские болгары — роль торгового класса, сословия; а народы степной полосы, в том числе и бродники, являлись для монголов необходимой вооруженной силой, вместе с самими монголами являлись источником военного могущества Золотой Орды. Бродники были свободны от дани и податей, подчинены непосредственно Хану Золотой Орды, сохраняя в полной неприкосновенности свое национальное лицо; они несли лишь одну определенную обязанность — иметь готовое конное войско (Быкадоров).

Что славянское население Тмутараканского княжества (Подонья), не исчезая, жило в составе Золотой Орды и за время пребывания под ее властью приобрело свое народное название „казак“, непрерываемо свидетельствует выписка из древней летописи в часовне на Лубянке, касающаяся иконы Божией Матери, каковая выписка гласит: „там, на верховьях Дона, народ христианский воинского чина живущий, з о в о м ы й к о з а ц ы, в радости сретаяща его (Вел. кн. Дмитрия Донского) со святыми иконами и со кресты поздравляюща ему“...

Занимая в государственной системе Золотой Орды положение и значение военно-служилого сословия, внутри себя население Подонья было свободным и вольным народом.

Население Подонья во времена владычества половцев и монголов на Востоке Европы (1100—1380) на протяжении около 300 лет было оторвано от Руси Юго-Западной и Северо-Восточной и, естественно, эта новая народность (донские казаки) утеряла ощущение признаков родства с ними; тем сильнее выявлялось родство с казахами (чигами). От них они и получали свое имя — казаков.

Таким образом далекие предки казаков, образовавшиеся из слияния в течение многих веков двух этнических элементов — славяно русов и тюрков — постоянно и бесперервно жили на своей древней земле до конца XIV ст.; подвергаясь воздействию византийской культуры, постоянно общаясь с азиатскими народами, усваивали их народный обычай, быт; как коренные и постоянные жители определенной территории, достигли значительного (для своего времени) культурного развития (города, церкви, земледелие); условия степной жизни, суровая жизнь на территории, веками являвшейся ареной боевых столкновений народов, необходимость постоянно защищать свою жизнь с оружием в руках — выработали в них выдающиеся боевые качества, что сохранились и у современных казаков, их потомков.

Так непрерываемо устанавливается непрерывная преемственная связь современных казаков с их далекими, древними предками — славяно-русскими, с незапамятных времен являвшимися коренными обитателями современных Казачьих Земель.

Казаки — не беглецы, не преступники, не „воровская шайка“, как их аттестуют русские историки, а отдельный славянский народ, имеющий свою долгую, полную трагическими событиями и величайшими подвигами, историю, перед которой должны почтительно поклониться и откуда веет той „древней казачьей стариной“, на которую ссылаются многие, но которую мало кто знает.

Конечно, физический и духовный облик современного казака и его древнего предка вполне тождественными быть не могут. Это понятно и естественно, ибо между ними лежат целые столетия, полные вели-

чайшими событиями, в течение которых сотни раз осуществлялась в различных комбинациях „чуждая смесь племен и наречий“, что не могла не оставить заметного своего следа на физическом и духовном облике казака, но все же основные духовные свойства, душевные качества предков сохранились у казаков и до наших дней. Это — рыцарский дух, любовь к свободе и независимости, способность к организации, равноправность всех в жизни, чувство собственного достоинства, храбрость, любовь к своему верному другу-коню, презрение к пешей службе, выдающиеся качества воина.

Совершенно естественно, что постоянное и непосредственное общение казаков с кочевыми народами, пребывание в составе многих степных народов не могли ограничиваться только внешней формой и не могло сводиться только к простому подчинению власти завоевателей. Разумеется, казаки неизбежно должны были до известной степени воспринять и самый дух степных народов, многие черты их быта и жизни.

Интересен в этом отношении взгляд казаков на земледелие. Как известно, Донские казаки до недавнего времени принципиально отказывались от земледельческого занятия, считая его несовместимым с казачьим духом. Даже Войсковой Круг в 1690 г. издал указ, запрещающий казакам пахать и сеять: „если кто будет пахать, того бить до смерти и грабить“... Откуда такое отношение к земледелию, т. е. к прочному оседанию на земле? Особенно непонятным становится такой презрительный взгляд на земледелие, если принять во внимание указания историков, что далекие казачьи предки занимались земледелием.

По моему, казаки такой свой взгляд могли усвоить у монголов за время своего совместного с ними сожительства в составе Золотой Орды. Монголы, свято выполняя завет своего владыки, Чингис-Хана, принципиально отказались от оседлой жизни, от земледелия, считая его занятием недостойным, низким. Чингис-Хан оставил своим потомкам завещание, чтобы они „всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться оседлыми“.

Почему же был дан такой завет? Правильно или неправильно, но Чингис-Хан полагал, что свободными рыцарями, смелыми воинами, неподкупными военачальниками, честными администраторами в его империи могут быть только степняки-кочевники, не привязанные к материальным благам, недвижно сосредоточенным на одном месте. Он считал, что у горожанина или земледельца, дрожащего над накопленными материальными ценностями, алчная привязанность к этому своему материальному богатству, животный страх за судьбу своего богатства, — убивают дух свободы, дух рыцаря, сознание долга, чувство чести и порождает самые низменные чувства: продажность, подкупность, лесть, зависть, трусость, бесчестность, мелкий расчет.

Не отсюда ли усвоен такой презрительный взгляд на земледелие казаками, которые являлись природными рыцарями, у которых высокое благородство, честность являются неотъемлемыми душевными качествами?

Конечно, и раньше, и в период монгольского владычества и особенно после него, Казачество пополнялось не только путем естественного, внутреннего органического роста (рождение), но и путем механического смешения.

Свободная и вольная жизнь в непосредственной народной республике Донских казаков привлекала многих из состава других соседних народов. Они приходили и входили в состав Казачества, благо, что процедура приема была несложная, нужно было только принять краткую формулу.

Приходили к казакам турки, греки, персы, поляки, чехи, татары, грузины, а с первой половины XVII ст. и калмыки, но меньше всего приходили русские (великоруссы), которые совершенно не были приспособлены к ратной жизни казаков и, по многим причинам, не могли и приходиться.

Что Казачество не было образовано беглыми русскими людьми и что даже пополнение его беглецами из Великодержавии было незначительным, подтверждают и некоторые русские историки.

Например, русский историк и ученый археолог, Ознобишин, решительно отвергает подобную „теорию“ и пишет: „Басня, переданная Броневским, о беглых москвичах, основавших донское казачество, тоже не имеет основания и не выдерживает критики. В XV веке, в момент появления казаков на Дону, в России не было еще крепостного права, и всякий мог переходить с одного места на другое: предполагать же, что беглые были исключительно преступники, тоже нет основания. Какое число преступлений надо было совершить, чтобы образовалась целая масса, целые тучи преступников, где-то увидавших друг друга, сговорившихся бежать куда-то в неизвестные страны, к неизвестным народам и, явившись на место в низовьях Дона, сейчас же сумевших проявить ум, сметливость, отвагу; успевших приобрести оружие, составивших правильное общество, беспощадное для преступлений, управляемое вечно и имеющее толковых грамотеев, умевших писать царям. Все эти предположения — одна фантазия, и можно положительно доказать, что беглые московские люди могли убедиться на Дон только тогда, когда были уверены, что найдут там приют и защиту, т. е. уже долго спустя после появления донцов на Дону, после закрепощения крестьян и после церковного раскола, а в другое время из России на Дон являлись единицами“...

Так русский ученый квалифицирует русскую же официальную „теорию“ о казачьем происхождении: „басня“, „одна фантазия“.

О значительно приливе в Казачество представителей иных народов свидетельствуют многочисленные казачьи фамилии: Турчаниновы, Грековы, Поляковы, Черкасовы, Татаркины, Калмыковы, Грузиновы, Персидсковы и т. д. и фамилии, явно происходящие от слов не славянского корня, а также обличье многих казаков. Например, фамилия Харламов явно от калмыцкого слова: хар — черный, лам — священник. Харлам — по калмыцки значит — человек, отрешившийся от духовного сана. Боков — тоже от калмыцкого слова. Бок — буквально пыль, сор. По смыслу — человек незнатного происхождения, находящийся на низшей ступени социальной лестницы. Темирев от калмыцкого слова темир — буквально железо, значит — железной силы (воли) человек. Таких примеров можно приводить без конца.

Русские историки не хотят ныне признавать независимого от русских происхождения казачества, ссылаясь и на язык, утверждая, что казаки — русские люди, говорящие на одном с русскими языке.

На этот „языковый довод“ казачьи историки отвечают, что в то отдаленное время, когда возникло, развивалось и укреплялось Донское Казачество, никакого единого русского языка не существовало, а были только отдельные славянские наречия, в том числе и Донское. (На днях только один профессор мне говорил, что один великий русский ученый уже давно доказал, что наравне с великорусским, украинским наречиями, существовало и Донское наречие. Но кто этот русский ученый, доказавший существование отдельного Донского наречия, конечно, этот профессор не говорит, ибо это может усилить позицию самостийников).

С резонностью такого утверждения казачьих историков не согласиться нельзя, если принять во внимание,

что существующий единый русский литературный язык — совсем недавнего происхождения. По словам Тургенева, только Пушкин „создал русский язык и установил литературу“ (значит, только в первой половине XIX ст., когда Казачество было кроваво подавлено, когда все казачье каленным железом уничтожалось), что до этого времени существовали только отдельные славянские наречия, а вся русская знать считала великорусское наречие языком дикарей и стыдилась говорить на этом наречии.

Для каждого станет понятным, что языком утвердившимся в XIX веке, нельзя обосновывать спор, относящийся к VII столетию, или хотя бы даже к XVI ст. Далеким следствием истории объяснить саму историю. От следствия выводить причину!

Несчастье казаков в том, что историческая жизнь для них сложилась неблагоприятно, их наречие не могло развиваться и стать, наконец, общепризнанным народным и государственным языком, как это случилось, например, с одним наречием немецкого языка, которое стало голандским народным и государственным языком.

Вот та картина казачьего прошлого, которая рисуется казачьими историками. С ними в полной мере согласуются утверждения и объективных иностранных исследователей.

Например, один иностранный ученый говорит, что „казаки представляют собою... остатки сильно смешанных племен, населявших большую часть пространства между Волгой и Доном, Черным морем и Днепром, которые извещены в московских хрониках под именем хозар и печенегов, непримиримых врагов древних киевских великих князей, хотя сами были славянского происхождения. Остатки этих разных этнографических групп слились с покоренными русскими под владычеством татар и с ними же делили свою судьбу до 15 ст. После падения татарского ига, остались они в своих просторных степях и жили какой-то военно-демократической республикой... Казаки не имеют ничего общего с русскими, кроме греческой веры и испорченного русского языка. Их же нравы и обычаи, их способ жизни, оружие и способ войны, все это отличает их от русских“...

Эти же иностранцы свидетельствуют, что казаки и после татарского ига оставались жить на своей земле особой государственной жизнью, никуда не исчезли, но только „мало по малу потеряли свою независимость... Петр I отнял у них право выбирать главу государства“, — продолжает тот же иностранец.

Таким образом, и казачьи историки, и объективные иностранцы, на основании изучения исторических данных приходят к одному и тому же выводу: казаки — особый народ, с сильной примесью тюркской крови; являются коренными обитателями исторической Казарки (современных Казачьих Земель); со времен Хозарской империи (вторая половина VII ст.) и вплоть до самого конца XIV ст. (распад Золотой Орды), т. е. на протяжении почти 600 лет, непрерывно жили на своей древней земле, сохраняя свое национальное лицо, народный быт, хозяйственную структуру, свою христианскую религию...

(Продолжение следует).

Павел Кудинов.

Восстание Верхне-Донцов в 1919 году.

(Исторический очерк).

(Продолжение).

К 4 апреля на участке 2 дивизии восставших красные сосредоточили: 15-ю Инзинскую пехотную дивизию, 3-й Богучарский и 3-й Петроградский пех. полки и повели энергичное наступление. 2-я дивизия, оказывая частичное сопротивление, отошла на уровень хуторов Наполов и Фролов. Красные стремительным наступлением к 4 часам дня овладели хуторами — Тиховской, Вар-

варин, Калинин, и западной окраиной хутора Меркулова (Вешенской ст.). Все эти хутора, немедленно по занятии красными, пылали заревом пожара. Красные жгли все беспощадно. Там, где утром еще были цветущие хутора, остались развалины почерневших труб да обгорелые пни деревьев. Высланный из Вешенской дивизион пехоты, заняв восточную окраину хутора Мер-

кулова, задержал дальнейшее продвижение противника.

Одновременно с наступлением, предпринятым красными на участке 2-й дивизии, они перешли в наступление на участке 5-й дивизии, но здесь, после двухдневного боя, были отброшены в исходное положение. 5-я дивизия укрепилась по реке Раствердяевке.

Сердобский сов. пех. полк, перешедший на сторону восставших во главе с командиром полка г. Врановским, 8 апреля, при поддержке усть-хоперских казаков, мобилизовавшихся по собственной инициативе, повел наступление на станицу Усть-Медведицкую, с целью овладения ею. Вероятно г. Врановский выполнил бы задачу, но, когда красные открыли ураганный огонь по наступающим цепям доблестных сердобцев, казаки усть-хоперцы предательски открыли фланг сердобцев и скрылись с поля сражения. Конница красных, пользуясь изменой последних, обошла правый обнаженный фланг сердобцев и бросилась в атаку. Окруженные сердобцы спешно стали отступать к станице Усть-Хоперской, отбивая атаки красной конницы. На поддержку отступающим сердобцам был выслан конный полк от 1-й бригады восставших, который дал возможность остаткам сердобского полка отойти на линию хутора Чеботарева. Сердобцы, потеряв три четверти боевого состава, были отведены в тыл и расформированы.

Красные, овладев Усть-Хоперской, 10 апреля повели наступление по всему участку 1-й бригады и 1-й дивизии — на хутора Чеботарев, Горбатый и станицу Каргиновскую. 1-я дивизия, заняв бой с наступающими красными, в ту же ночь прорвала фронт красных в районе хутора Горбатый и заняла хутор Большой. Бригада же, группируясь на своем правом фланге и пользуясь коридором прорыва, на рассвете 11 апреля атаковала красных с фланга; группа красных лыжников, занимавшая хутор Чеботарев и другие, лежащие к Дону, была выбита из занимаемых хуторов и обращена в бегство. Бригада восставших, преследуя лыжников, овладела станицей Усть-Хоперской, захватив пленных и 11 пулеметов. Того же числа, красная конница товарища Пануцова обрушилась на первую дивизию со стороны хутора Дуленкин (стан. Боковская), но к вечеру была отброшена за станицу Боковскую. Красные, одновременно с наступлением на участках первой дивизии и первой бригады, вели наступление по всему участку 3-й и 4-й дивизий, но после упорного боя, который продолжался весь день, были разбиты и отброшены на север, оставив на поле сражения 3 орудия, 17 пулеметов и несколько сот пленных. 2-я дивизия восставших с 5-го по 12 апреля удерживала красных на х. х. Меркулов, Колодезный, Наполов. Красные по каким-то своим соображениям, в течение 7 дней не предпринимали никаких энергичных наступлений на участке 2-й дивизии, а только лишь частичные, но все же жгли хутора и грабили все, что было можно.

Чтобы ликвидировать накопившихся красных по реке Тихой до х. Меркулова включительно, которые стремились прорваться на станицу Вешенскую, я приказал начальнику 3-й дивизии есаулу Егорову во главе одного конного полка с партизанским отрядом хорунжего Шумилина к рассвету прибыть в Вешенскую. 13-го утром, есаул Егоров прибыл в Вешенскую, где получил задание и в сумерках переправился на правый берег Дона и вступил в расположение 2-й дивизии. 14 апреля конная группа есаула Егорова внезапно атаковала части красных, которые занимали хут. Провальский, Колодезный и безостановочно преследовала их до хутора Сетракова. Отбросив последних к хутору Сетракову, конная группа есаула Егорова повернула обратно и повела стремительное наступление по дороге, идущей к х. х. Мешков, Федоровский и ст. Казанской.

Штаб красной экспедиции, который находился в хуторе Мешков, был захвачен и уничтожен. 2-я дивизия одной бригадой удерживала красных по реке Чир — хутор Наполов включительно, а другою перешла в наступление в направлении хут. Тиховской. Красные же, вследствие утери связи прорывом конной группы Егорова, все же продолжали занимать х. х. Тиховской, Варварин, Калиновский, Меркулов, но будучи обойденными бригадой восставших с тылу, бежали в разные стороны, бросая оружие и снаряжение. Будучи прижатými к Дону, многие нашли в его волнах вечный покой.

Красные, занимавшие правый берег реки Дона против станицы Казанской, очутились под ударом с тылу, но, поддержанные 3-м Богучарским пешим полком, оказали упорное сопротивление; завязавшийся рукопашный бой носил характер беспощадного избиения с обеих сторон. 3-я дивизия восставших, расположенная по левому берегу реки Дона, сосредоточила артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь по красным; последние, поражаемые с трех сторон, отошли за рубеж казачьей земли. В этом ожесточенном двухдневном бою пали смертью храбрых: начальник партизанского отряда хорунжий Шумилин — доблестный герой Великой войны и кавалер 1-й степени, подхорунжий Алиманов и другие.

С 15 по 22 апреля по всему фронту происходили частичные столкновения с сохранением занятых позиций. Необходимо подчеркнуть, что кроме боевого порыва, желания разбить сильнейшего врага, вторгнувшегося в чужую землю, в душе каждого восставшего казака был вопрос: „Существует ли Донская армия или же она давно ликвидирована“, о чем упорно твердила красная печать. Из 12 человек пешеходов, посланных в Донскую армию, чтобы дать знать о действительности восстания верхне-донцов, никто не возвратился и никаких слухов, хотя бы случайных, получить было неоткуда.

Армия же красных с каждым днем увеличивалась, а поэтому не исключалась возможность, чтобы ту площадь, которую занимала армия восставших, быть может в силу ряда поражений, или в силу неизбежной утраты боевой площади, придется уступить той вооруженной силе, которая напирает со всех сторон. Но Бог хранил, этого не случилось, но если бы это и случилось, то я глубоко верил, что боеспособность и решительность восставших казаков не изменились бы; в критический момент армия восставших могла бы прорвать фронт красных там, где бы она захотела и с успехом отыскала новое поле для нового боевого счастья. Но не об армии болела казачья душа, а о тех несчастных детях, женщинах и стариках, которые должны были бы предстать перед беспощадным судом озверелых завоевателей. Боевое счастье пока было на стороне восставших казаков и я решил драться до последней возможности, а заранее подготовленный план прорыва иметь в запасе.

Несмотря на отсутствие сведений, все верили, что родная Донская армия существует и не „в ущельях Дарьяла и в пустынных степях Каспия“, а здесь, на родной земле. Иногда, в тишине апрельского вечера, откуда-то глухо доносились раскаты орудийной стрельбы.

15 апреля, около 12 часов дня, казаки первой дивизии, будучи в резерве на отдыхе, вдруг услышали глухой шум пропеллера и в несколько голосов крикнули: „Глядите, братцы, где-то аэроплан трещит!.. Да где же, где? Куда летит? Смотрите знак на крыльях! Сюда летит! Не стреляйте, быть может и наш!“

Аэроплан, постепенно опускаясь, держал направление в степь между хуторами Сингин и Кривской. Вдруг крики: „Наш! наш!“ Полузвод конных казаков был послан к тому месту, где аэроплан, описывая круги, медленно опускался.

„Историческая роль суждена была Ленину потому, что, в силу сложных причин, в 1917 г. этот разрыв (оболочки культурных навыков) стал объективно возможен в душе русского человека, в душе многогранной, содержащей в иррациональном сочетании логически исключаящие друг друга возможности. Упрости́тель Маркса, Ленин сделался и упрости́телем русской души; он извлек из нее затаенный в ней сатанинский лик“.

С. С. О'ьденбург

(из статьи Н. С. Тимашева в „Возрождении“ от 12 июня 1931).

Прилетели сотник П. Богатырев и хорунжий Тарарин, которых пославшие должны были считать верной жертвой красных. Ведь, как штаб Донской армии, а так же и летчики не имели никаких положительных сведений о восстании верхне-донцов, а если штаб и имел, то эти сведения настолько были мрачны (хотя и основательны), что по ним не представлялось возможным определить ни характер восстания, ни площадь занимаемую восставшими, а только можно было приблизительно определить ту местность, в районе которой вспыхнуло восстание; следовательно и расчеты сотника П. Богатырева и хорунжего Тарарина в достижении поставленной цели — связи с восставшими, зависели от их находчивости.

Храбрые летчики быстро опустились на землю между хуторами Сингин и Дубовской. Полуэскадрон конных, который был послан от одного из полков 1-й дивизии, к месту, где опустился аэроплан, уже был в одной версте от последнего, как вдруг с противной стороны показался незначительный конный раз'езд красных, но почувствовав свою малочисленность он круто повернул назад и скрылся. Полуэскадрон конных казаков, приблизившись к аэроплану, который был уже наготове, чтобы вновь подняться, но к неожиданной радости один казак издала узнал своего ближайшего станичника, — сотника Богатырева. С помощью казаков аэроплан дотасили в хутор Сингин, к двору отца Богатырева. Неожиданное известие о прибытии сотника Богатырева из Донской армии с молниеносной быстротой прокатилось по всему фронту армии восставших. Я, будучи на фронте 1-й дивизии, получил телефонограмму о том, что с аэропланом, который опустился между хуторами Сингин и Дубовской, прибыли из штаба Донской армии сотник Богатырев и хорунжий Тарарин. „Теперь мы знаем, что не одни здесь б'емся с врагом залившим кровью казачью землю“. Так говорили по рядам армии. Возвратившись с фронта и обменявшись с сотником Богатыревым взаимными сведениями, я вкратце написал о количестве армии, о материальных и технических нуждах и вручил хорунжему Тарарину для передачи штабу Донской армии.

Из доклада сотника Богатырева было видно, что штаб Донской армии, узнавши о восстании от одного казака станицы Казанской, который был послан из штаба армии восставших, сосредоточил значительную часть конницы, которая как только получит подтверждение о действительности восстания, пойдет для соединения с восставшими.

В последних числах апреля прилетел капитан Веселовский, который передал, что конная группа под командой генерала Секретева уже двинулась к цели своего назначения. Маршрут — Миллерово-Дегтево — хут. Сетраков и стан. Казанская. Соединение не позже, как через 15 дней. Кроме того привез для 25 тысяч восставших бойцов — подарок правительства — 10 фунтов табаку. 29 апреля прилетел капитан Петров для подробных сведений обеих армий — Донской и Восставших. В оперативной сводке штаба Донской армии, которая мне была передана капитаном Петровым, значилось, что против восставших верхне-донцов, насчитывающихся до 25000 бойцов, действует 40000 армия красных.

После 15 дневных частичных столкновений и перестрелок, красный штаб сосредоточил на всей окружности фронта восставших крупные, отличные комплектованные части; кроме того ввел в действие 9-ю сов. армию, снятую с фронта Донской армии, с целью раздавить восставших и не дать соединиться с конной группой

Секретева. 2 мая красные перешли в общее наступление по всему фронту с применением дальноточных пушек и броневых автомобилей. После короткого затишья вновь загрохотали пушки, пулеметы, завизжали снаряды; все вновь задвигалось, закружилось, устремившись туда, где закипела страшная битва двух народов. То там, то здесь неслась конница в атаку, сметая красных захватчиков, которые вооруженной силой вторглись в чужую землю, с явным намерением сжечь, разорить станицы, хутора, разграбить домашние пожитки и тем положить конец не только существованию казачества, но самого имени „казак“. Иначе говоря, докончить то подлое жестокое дело, которое не докончило павшее самодержавие.

Несмотря на многочисленность красных бойцов, которых с приходом 9-й сов. армии насчитывалось до 60000, части армии восставших оказывали упорное сопротивление и не раз лихими конными атаками обрадовали в бегство полки красных мужиков. С 1-го по 10-е мая правобережные части восставших удерживали прежнее положение. На участках же левобережных частей, также происходили ежедневные бои без особых перемен. 11-го мая, численно далеко превосходящий противник (9 сов. армия) обрушился на 1-ю и 2-ю дивизии и первую бригаду; последняя, за отсутствием патронов и снарядов, медленно начала отходить назад к Дону, задерживая красных исключительно конными атаками. 1-я дивизия, продолжая удерживать станицу Каргиновскую, успешно отбивала фланговые марши красных. К ночи 11 мая перевес все же был на стороне красных.

Вследствие наступления огромнейших сил красных, которых без боевых припасов, а лишь одними атаками удерживать было чрезвычайно трудно, так как это стоило больших жертв, я решил лучше потерять местность, но сохранить армию. В ночь под 12 мая мною был отдан следующий приказ:

Начальнику 1-й дивизии, копия начальнику 2-й дивизии 1-й бригады.

Приказываю начальнику 1-й дивизии, соблюдая строжайшую тишину и сохраняя полное спокойствие в частях, под прикрытием усиленных раз'ездов, медленно отойти на уровень позиций, занимаемых 2-й дивизией и бригадой.

По истечении 12 часов ночи 2-й дивизии и бригаде оставить правый берег реки Дона и переправиться на левый на участке своего расположения. Местность переправы и перевозочные средства отыскать самим. Переправу обеспечить усиленной разведкой. 1-я дивизия — в ар'ергарде; выделив из себя разведывательные сотни, а главными силами к 5 часам утра должна быть у переправы Вешенская, куда будут поданы все имеющиеся перевозочные средства. Переправу закончить к 6 с половиной часам утра. По окончании переправы занять позиции по левому берегу реки Дона в следующем порядке: 1-я бригада — станица Букановская исключительно по рекам Хопру и Дону до хут. Красноярска включительно. 1-я дивизия — хутор Красноярск исключительно, по реке Дону до хут. Чиганаки (Вешенской) включительно. 2-я дивизия — хутор Чиганацкий, по реке Дону до р. б. Лесковатка. Начальникам же дивизий и командиру бригады к 12 часам дня прибыть в штаб для получения распоряжений.

8 часов вечера 11 мая 1919 года. Стан. Вешенская.

Командующий войсками Павел Кудинов. Начальник штаба И. Сафонов.

Утром 12 мая все части дивизий и бригады были на указанных местах.

(Окончание следует).

Вл. Куртин.

Трагедия казачьего генерала.

(Ответ на письмо).

Передо мной письмо. Откровенное до исповеди. Но не предназначенное мне лишь как „Дорогому Н. Н.“, а как и сотрудику „В. К.“, а значит, через меня, как человека исповедывающего идеи „ВК“, и всем вольным казакам...

Пишет генерал, казак. Генштабист. Генерал, занимавший не особенно высокие служебные посты в России довоенной, высокие в России военной, еще выше в России большевицкой, на Украине и на Кубани. Но не перебежчик. Не спец, которому кому ни служить

— лишь бы хорошо платили. Наоборот, человек, который свое служение режиму или народу сочетал со служением идее. И как только практика вышибала у него из под ног возможность служения этому сочетанию, он немедленно оставлял это служение с тем, чтобы применить свои силы и знания там, где это считалось ему возможным, практически осуществимым.

В нем, в этом генерале, персонификация всего Казачества. Его биография (история) — история всего Казачества; его трагедия есть трагедия всего Казачества.

... Родился в „простой“ и бедной казачьей семье. Недоумчивости способностей. С энергией старого запорожца преодолевая трудности, о которых и не снилось имеющим честь родиться не казаками, особенно не „простым казаком“, добился академических знаний. С тем, чтобы все эти знания, способности, энергию и добрую волю — принести „Родине“.

Ценою перенесенных „многих несправедливостей и нравственных обид“, поистине кровавым трудом возмещая свой „минус“ первоначального греха, ибо не принадлежал к „белой косточке“, — „добился своего“. Получил все то, что дворянским сынкам давалось почти даром за „высокие заслуги их отцов“... Добился знаний, и, казалось, возможности применить эти знания на пользу „Родины“.

Но когда приступил к служению этой „Родине“, за всю свою муку, за свою готовность дать ей все, вплоть до жизни, получил от нее —

„Подозрение в украинском сепаратизме и полицейский надзор“...

„В царские времена, по выражению самого автора письма, не был заядлым монархистом“, но это не спасло его от ненависти России демократической, видевшей в нем всего лишь царского жандарма.

Лишенный возможности служить „Родине“, полуотвергнутый ею, принес службу свою родному Казачеству, но и тут оказался не по вкусу — не Казачеству, а правителям Казакии: Наказным Маламам и Бабычам. И генерал „эмигрировал“. Сначала в Персию, а потом в Сибирь...

— „Война примирила меня со всеми“, пишет генерал и „я защищал „Родину“ слишком даже добросовестно... Я водил в бой за Россию... Тысячи младших братьев умирали с улыбкой на лице, с глубокой верой в тот долг, который я им внушил“...

Пришла революция. От большевиков генерала спасли его солдаты. Они же позвали его служить новому режиму — большевикам.

... „Я был на высоком посту. Не долго. Ибо увидел, что и там нет правды“...

„Я ушел от них. Меня звали на Кубань. Не мог вырваться... Украинский народ черноморцам родственный. Я взялся служить в украинской армии“...

— А хлопці батька Григорьева подстрелили генерала. И кубанский генерал пошел к „белым“.

— „Такие прекрасные (?) лозунги были провозглашены“!.

Но его, как „самостийника и большевика“ не приняли.

— „Да и за лозунгами крылась совсем иная сущность“...

Наконец генерал попал в родную казачью семью...

Но... „но для самостоятельной роли я не был готов. Я не знал нового (?) Казачества, его желаний и стремлений. Учиться же в такую пору — некогда“...

И Кубанский Генеральный Штаб генерал ушел. Ушел от всего. Ибо не разбирался толком ни в чем. Не знал своего настоящего места. Не представлял себе ясно, как отстоять жизненные интересы родного Казачества, ни — в чем его действительные интересы.

Генерал занялся частным делом. Но вот один кубанский политический деятель

„Великое ему спасибо“! напомнил генералу о долге перед Казачеством и позвал его на службу:

— „Я пошел. В — Крым“...

„Но нужно было что-то говорить, строить какие-то планы... Нужно было вдохнуть веру в оставшихся с нами казаков для победы над большевиками. Но почв

не было: ни для победы, ни для собственной веры в правоту своего дела... И, по возвращении из кубанского десанта“

Генерал сам себя сдал в „архив. А потом — эмиграция“...

Какая трагедия беспомощности и беспочвенности людей, которым как раз и предстояло вести Казачество по пути его возрождения!.

— „С Кубанью я связан кровным родством... Но я — не в курсе дела (это уже про теперешнее. Вл. К.) — что нужно нашей родной Кубани... Был момент, когда нужна была самостоятельность (Кубани, Украине, Грузии и т. д.) и это могло бы спасти и их и Россию... Но Деникины и их приспешники не поняли этого“.

А как мы видели раньше (выше) не вполне понимал спасоносности самостийности и сам Кубанский генерал.

„И с ревностью, вместо большевиков, уничтожали несчастных наших братьев — Рябовола, Кулабухова и т. д.“...

А „уничтожать“ которых помогали и некоторые Кубанские генералы.

... Теперь, по мнению генерала, это время (т. е. необходимость и спасоносность самостийности) уже прошло.

— „Теперь нужно не только нам всем эмигрантам соединиться против большевиков, но и всей Европе с нами“...

Дальше генерал приводит историю Германии. Начало объединения Германии. Вплоть до современного *anschluss'a* с Австрией. —

— „Хорошо ли чувствуют себя отделившиеся от России Эстония, Финляндия, Латвия и даже — Польша?“ Спрашивает себя генерал. И отвечает:

— „Думаю — не особенно. Кроме кучки министров и других правителей“...

„И вот из этих соображений я и не верю в возможность самостоятельного существования Вольной Кубани и даже самостоятельной Украины. Географические условия против этого. Промышленные и хозяйственные условия — еще более. А главное — и Украина, и Дон, и Кубань слишком проросли русским элементом. Живое тело нельзя резать без боли“...

Затем генерал переходит к журналу „ВК“. Признает, что написан „очень интересно“. А главное — „Знакомись с совершенно неизвестными вещами из истории Казачества“.

— „Так вот — что-же вы хотите от меня? Чем могу помочь теперь и в будущем нашей с Вами общей Родине — Кубани?“ Спрашивает мой корреспондент и тут же добавляет:

— „Самостоятельной Кубани я не верю. А тому, во что не веришь, нельзя и служить“...

„Но когда я буду убежден, что Ваше движение (В. казачье) пойдет на пользу Казачеству — я стану в ряды бойцов за Вольную Кубань“...

Генерал находит, что

— „Россия под большевиками и наша родная Кубань сделали под большевиками сдвиг в сторону самознания“...

— Помещичья Россия уже не вернуться, да и Бабычам и Маламам не вернуться в правители Кубани. И те теоритические рамки, как для России, так и в частности для Кубани, которые строятся в эмиграции, наверное не подойдут... Когда мы вернемся — живая жизнь, выработавшаяся под большевиками, потребует коренной ломки „наших эмигрантских шаблонов“...

Если в Праге знают по какому руслу направляется жизнь нового Казачества и их (т. е. В. К.) стремления укрепить и поддержать эту жизнь вполне соответствует обстановке... тогда и я м. б. буду полезной спицей в колесе повозки, которая ведет Казачество по тому или иному историческому пути...

— ... Один же номер „ВК“ и желание благ родным Кубанцам не дают права стать на новый путь, под знамя, их которым начертаны тезисы, не вполне понятные для такого плохого политика как я“... Заканчивает генерал.

А начал письмо так:

... „Прежде всего должен сказать, что моя подго-

товка и служба совершенно не способствовали развитию политического правосознания. Так что в политике я всегда был большим профаном. Эта „не-сознательность“ сохранила меня до сегодняшнего дня от присоединения к какой либо политической партии“...

И так начало соединилось с концом. Свилось в один замкнутый круг, имя которому:

Абсолютная политическая неподготовленность для самостоятельной работы по той генеральной линии, на которую стало Казачество в момент всероссийской разрухи: линии восстановления былых казачьих вольностей, экономической и политической независимости от кого бы то ни было — ограждением от власти большевиков, преемственно сменивших власть царей и „белой косточки“.

На несчастье Казачества „неподготовленностью“ страдал не только автор письма, но и подавляющее большинство казачьей интеллигенции, которой судьбой предназначено было стать во главе родившего ее народа. Ибо, действительно, подготовка и служба большинства казачьей интеллигенции, главным образом офицерства, „совершенно неспособствовали развитию политического правосознания“...

Стать на общерусский путь по праву прочно оно не могло, ибо с точки зрения правящей „белой косточки“, не имело на это права. Обобщиться так, чтобы не различать эллина от иудея, тоже не могло, ибо кровная связь со своим народом была достаточно крепка, чтобы оторваться от него в — непомнящие родства. Но и остаться со своим народом в одной с ним думе не умело — в силу все той-же „подготовки и службы, неспособовавшей развитию политического правосознания“...

И так — к чужим не приславши, от своих отставши, — казачья интеллигенция и добрела до судьбоносных событий 17 года. Для самостоятельной роли не готовая, нового (т. е. старого) Казачества, его желаний и стремлений не знавшая...

А „учиться в ту пору“ было уж действительно некогда.

Большинство казачьих интеллигентов чувствовали, что должны что то делать. Что-то такое, что идет от самого народа. От тех белобородых, сивоусых стариков, что не сговариваясь и не договариваясь, как один, стали на защиту от „россейцев“, прозрев в них завоевательно-карательные экспедиции времен Петра Великого... Но — статья во главе их не могли, а плестись в хвосте не хотели. И ограничились „задушевными“ стопроцентными по своей самостийности разговорами со стариками наедине и — насмешливо-сниходятельной критикой их „наивного правосознания“ публично.

Все войско казачье в сравнении с остальной русской армией по своей боеспособности было „генштабистом“, а правого своего места в армии все-же не имело. Кровавым трудом приобрета „академические“ военные знания, а ценою перенесенных многих несправедливостей и нравственных обид высокие свои качества — все-же оскалалось „Армией Петра Амьенского“.

Слишком даже добросовестно защищавшее „Родину“ от ее врагов „внешних и внутренних“, доверия все-же не заслужило, а оставалось под „полицейским надзором“ и „подозрением в сепаратизме“.

Выходит, что „Родина“ знала казаков лучше, чем казаки. В особенности казачья интеллигенция. Так как самостоятельность-то казачья, хоть и затушенная двухсотлетним удушением и „подготовкой“, все же являлась тем шилом, которое нельзя было утаить даже в генштабистском мундире.

Не будучи никогда не только „заядлыми монархистами“ по самой природе своей не терпевшие рабства во всех его формах и проявлениях, казаки, точно проклятые, носили на себе позорное клеймо:

Опричников, нагаечников, защитников того самого деспотизма, который как раз и довел Вольное Казачество до

„Служилого сословия“.

„Сословия“, которое, выражаясь языком Лермонтова:

— Никго не любит, но все живущее клянет.

За неудавшийся бунт русского народа против русских-же властедержцев виновато казачество; за удавшийся бунт — оять казачество...

Когда еще не было прикреплено „Юрьевым днем“ к Велико-России Казачество служило идее, потом начало искать возможность сочетания служения идее со служением тому или иному „государю“ и — неаходя этого сочетания эмигрировало от одного „государя“ к другому, пока за деревьями перестало видеть самый лес, за служением „Государю“ — служение своей идее. И потому, когда перед Казачеством стала прекрасная идея: служение своему родному краю, оно оказалось неподготовленным.

А т. к. новый „государь“ в лице Добрармии был гофов — неумением одних своих вождей, попустительством других — оно из союзника оять превратилось в службу и принялось оять служить целям, мало общего имеющим с целями самого Казачества.

От большевиков до „белых“ блукал не один генерал. Тысячи казаков пребывали в таком же блукающем положении.

— До кадетов не піду... До своїх не пускають... Хіба-ж до большевіків?..

Не имея своего (белым — чужие, красным — чужие), казаки тоскливо метались от одних к другим, уходили от одних и других то в „зеленые“, то в „нейтральные“, пока многие и многие из них не получили пули или — в лоб, или — в затылок...

В том, что Кубанский Генерального штаба генерал отозвался на приглашение большевиков и пошел им служить, — чуда большого нет. Ведь у него достаточно накопило за не столь короткое время „многих несправедливостей и нравственных обид“, а потом за время „полицейского надзора“. В политике-же, как сам признается, совершенно не разбирался. Как упорно не желает разобратсь и сейчас.

Среди Кубанцев были офицеры, которые крестились от чуда, недоумевая — почему это казаки по станциям так смертельно и сразу возненавидели большевиков, сменивших социалистов?.. Какая между ними разница?.. Ведь если признавать себя частью „Единой, неделимой“ — какого чорта лезть на рожон? против остальных ста миллионов „единых-неделимых“, признавших большевиков за свою законную власть?..

Генерал из рус. армии перешел к рус. большевикам, но скоро ретировался и постучался к „белым“. А казаки вначале от „белых“ переходили к русским большевикам. И так-же быстро ретировались оять в „стан белых“... А пока разобрались, что им нет места ни там, ни там — было уже поздно. Ибо своего места уже не было.

Генерал находил, что лозунги у „белых“ были прекрасны. Но разве у большевиков они менее прекрасны — для большевиков?.. А сущность-то за этими логунгами у одних и других для нас одна и та-же:

Физическое истребление Казачества.

Бабиена убили большевики, Рябовала — „белые“. Бардижа — красные, Кулабухова — „белые“...

За убивавшими — Великая Россия, за убитыми — Свободное Казачество. Совместимы ли эти сущности?..

В прошлом, как мы видим, были не совместимы; в настоящем — еще меньше; в будущем — еще меньше.

Тогда (17-20 г.) по мнению генерала, самостоятельность Кубани, Украины и г. д. могла бы спасти и их (т. е. Кубань, Украину и т. д.) и Россию... Теперь почему-то нужно спасти только Россию и не самостоятельностью даже, а оять цементирующей казачьей кровью объединять ее в единую и неделимую. Как объединялась когда-то Германия.

Но другое это было объединение. Как раз как и в России, когда объединялись удельные княжества. С тою лишь разницей, что в Германии феодальные княжества добровольно объединялись около Пруссии, а в России Москва огнем и мечом объединяла под собой удельные княжества... Но при чем тут Казаки, Украинцы, Грузины?.. Как и Эстонцы, Латыши, Поляки... Отделившись ныне от России и о которых генерал „не думает“, что они хорошо себя чувствуют...

Здорово живешь?.. А хорошо ли себя ныне чувствуют народы, не отделившись от России?.. В частности — казаки и сам казачий генерал?..

И вот, почему же он не верит в возможность самостоятельного осуществления В. Кубани и даже самостоятельной Украины?.. Из всего, что было до сих пор, (даже и по его собственному убеждению) Кубань... Украина не только что сами могли существовать самостоятельно, но еще своей самостоятельностью спасти и несамостоятельную Россию. А насчет „географических и экономических условий“, — которые якобы против самостоятельности —

Страшен чорт, да милостив Бог.

Географические и экономические условия многих и многих ныне здравствующих государств куда хуже, чем Казакии, Украины... А им и в голову не приходит мысль исправлять географические условия и улучшать экономические ценою утраты своей независимости.

... Степи казачьи, действительно, сильно проросли... В особенности за последние два года... Но разве с этим они перестали быть нашими? Разве этими зарослями и пророслями мы лишены наших законных, моральных прав обрабатывать их по своему, как умеем?.. И оправдано ли будет махнуть рукой на свои степи, на свои земли... потому что они „проросли“?..

„Корчевка“ же, конечно, без боли обойтись не мо-

жет. Но зачем уже сейчас проливать слезы над будущими чужими болями, когда над нашими нынешними болями не горюет никто. Наоборот: злорадствуют.

Говорить о могущих быть и не быть болях „гамселов“, как об одном из „доказательств“ невозможности самостоятельного существования Казакии — все равно, плакать о чекистах, которые (бедняги!) целые ночи мучаются, пытая и расстреливая казаков...

... „Так вот — что-же вы хотите от меня“? Спрашивает генерал вольных казаков...

— Немного. И — много.

Мы хотим, чтобы Вы сейчас, когда потребуется, не оказались „для самостоятельной роли не подготовленными“.

Мы хотим, чтобы Вы своим знанием, опытом и доброй волей, по сколько это возможно в условиях эмигрантского существования, помогли делу освобождения родного Казачества из под ига большевиков. Мы хотим, чтобы Вы уже сейчас стали прочной спицей в колесе казачьей повозки, а не тогда, когда повозка уже будет в движении.

А чтоб это для Вас было возможно — мы хотим, чтобы на наши „тезисы“ Вы посмотрели с точки зрения своих казачьих интересов, а тогда они Вам уж не будут непонятными.

Вот и все. Остальное — приложится.

С. Савельев.

Умственная ограниченность или сознательное наивничанье?

Существует хорошая поговорка — ничему не нужно удивляться. Я в последнее время взял себе за правило строго придерживаться этой поговорки. Но, прочитав в последнем (5) номере „Р. К.“ детский лепет, исходящий от „Донского Атамана“, не мог не удивиться такой безкрайней наивности человека, некогда поставленного на высокий пост Донского Атамана.

Краской стыда покрылось лицо, горькой обидой наполнилась душа от сознания, что такая скудость мысли исходит от человека, вот уже 12 лет выдающего себя за Донского Атамана. Какое обидное и низкое мнение о казаках должно составить у иностранцев, если они будут судить о них по писанию этого „лучшего сына“ Казачества!

В самом деле, какой более или менее серьезный человек не может не улыбнуться над последним писанием Богаевского, который с самым глубокомысленным видом взывает к казакам: „поменьше увлекайтесь политикой и меньше слушайте всяких проповедников и справа и слева, самостийников, которые стараются оторвать вас от России, превратить Казачество в ряд мелких и слабых государств, никем не признанных“.

Сколько уж раз Богаевский, как попугай зауценное слово, повторяет этот свой скудный, бессмысленный довод против самостийников! Бессмысленный потому, что никакой России сейчас нет, что признает и такая газета, как „Возрождение“ (№2197), которая пишет, что „в настоящее время Российской империи нет“, а русские люди, о которых так беспокоится Богаевский, облачившись в красный халат, беспощадно и жестоко, кровью и железом истребляют казаков, изгоняют их из Родных Краев и салятся на их места! Богаевского страшит возможный уход казаков из под власти Москвы, но ему совсем не страшно физическое истребление казаков русскими людьми, которое сейчас „там“ производится!

Но Бог с ним! Посмотрим, какая „мысль“ вложена в последнем кратком „призыве“ Богаевского к казакам. В нем высказана ужасная мысль: не занимайтесь политикой, не интересуйтесь явлениями общественной жизни, не думайте о своей трагической судьбе, за вас думают и делают другие, ваши „благожелатели“, как я, например.

Такой „искренний совет“ дает казакам Богаевский и этот „совет“ дается в центре Европы, в ХХ веке, когда последний сапожник считает своим обязательным долгом внимательно следить за общественной жизнью, участвуя через своих представителей в политике своего государства, защищать свои интересы. В эпоху, когда без знания общественной жизни, без хорошей политической организации абсолютно невозможно с достаточным успехом защищать свои и своего народа интересы, Богаевский, в качестве Донского Атамана, главы государства, советует казакам отказать от знания, завязать свои глаза и, вооружившись пикой и шашкой, пригоровившись пролить свою казачью кровь за чьи то интересы, молча, в темную, ждать приказа чужого „вождя“!

По Богаевскому выходит — что европейскому сапожнику здорово — то казаку смерть! Тут он оказался прилежным учеником, хорошо усвоившим взгляд своих „хозяев“ на казаков. Ведь „правители“ России двести лет считали, что образование для казака смерти подобно!

В качестве главы Донского государства, Богаевский советует избравшему его народу не слушать разговоров об этом государстве, похоронить его скорее; не призывает казаков к изучению своего прошлого, к познанию самого себя, не зовет с открытыми глазами подходить к событиям жизни, а требует бессознательно, с повязкой на глазах отвернуться от... „самостийников, которые стараются оторвать вас от России, превратить Казачество в ряд мелких и слабых государств, никем не признанных“.

Для Богаевского ничего, что факты жизни вопиют против его „совета“; не важно для него, что Донское Казачество уже было самостоятельным государством, и было оно не „мелким и слабым, а сильным, организованным и признанным другими народами; не важно, что сам Богаевский был главой этого государства, ни от кого независимого, от России оторванного, духовным и материальным капиталом которого он до сего дня широко пользуется! Не важно, что не будь духовного и материального капитала этого государства, Богаевский уже давно представлял бы из себя выжатый, никому ненужный лимон и работал бы где-нибудь на за-

воде Рено, что делают сейчас многие, неизмеримо талантливее Богаевского, генералы!

Прочь, прочь эти неприятные для него факты, по боку их! Не думайте казаки о них, поменьше размышляйте над собственной своей судьбой, но побольше и без разговоров слушайте меня, вашего „пророка“, да почаще собирайте между собою франки и присылайте их мне!

Таково последнее „политическое слово“, „искренний совет“ ген. Богаевского казакам в трагический момент судьбы Казачества! От этого „совета“ сгановится и страшно и стыдно. Страшно потому, что в XX веке находятся еще люди, которые призывают казаков вернуться к первобытному состоянию, один из которых, к сожалению, пользуясь несчастьем Казачества, „навек закрепил“ за собою пост Донского Атамана и говорит и действует от имени всего Донского Казачества.

Но самым замечательным (и позорным) является то, что Богаевский свой „совет“ казакам обосновывает не идеей, не историей и правом Казачества, а доводами от желудка. По его „мудрому“ мнению, самостийников не надо слушаться потому, что... „далеко не так плохо жилось казакам перед Великой войной в составе могучей и сильной России. Кто бы из вас, казаки, не хотел бы всей душой вернуться к тому времени?“

Какая „умная головушка“ могла додуматься до такого, рассчитанного на темноту и бессознательность казачьей массы, по своему внутреннему смыслу бесконечно вредного, вопроса для отрицания высшего права Казачества? Как оскорбительно низко нужно ставить казаков, какими глупцами нужно их считать, если надеяться таким элементарно безграмотным вопросом отразить в сознании казака все неотразимые идейные, исторические и правовые доводы самостийников?

Не нужно быть самостийником, можно быть и отчаянным их противником, но нужно же высказывать хоть сколько-нибудь человеческую мысль, хоть какуюнибудь идею, нужно же хоть немного выше подняться от желудочного довода! Для того, чтобы воздержаться от соблазна свести всю политическую позицию самостийников к желудочному вопросу, нужно быть только элементарно честным человеком. Для всякого такого человека ясно, что позиция самостийников основана на высокой идее, истории и праве Казачества. Всякий честный политический спор должен происходить исключительно в плоскости и в свете этих факторов, а не на линии личной симпатии или антипатии, не в рамках желудочных нужд.

А для усвоения, понимания и укрепления позиции самостийников, как воздух, необходимы: хорошее знание казачьей истории, общее политическое развитие казачьей массы, ее сознательное, одухотворенное живым знанием, освещенное светом высокой идеи отношение к своей собственной судьбе. К этому только и призывает Вольное Казачество: к изучению своей истории, к политическому развитию, к уяснению природы и духовной сущности Казачества, к знанию, к прозрению.

Но такого призыва, как бык красной тряпки, не выносят реакционеры духа, консерваторы мысли, люди, живущие вне времени и пространства, совершенно правильно видя в нем, в этом казачьем пробуждении величайшую опасность для привилегий „вождей“, ибо вооружившийся знанием казак перестанет быть для них „пушечным мясом“, а станет человеком, свободной личностью с собственным своим „я“.

Хорошо ли или плохо „жилось казакам перед Великой войной в составе могучей и сильной России“, — спорить не будем. Об этом знают сами казаки, почти всю свою жизнь отдавшие службе „матушке-России“. Мы только знаем, что г. Богаевскому, мало жившему на Дону среди казаков, незнавшему их жизни, было великолепно в блестящей царской свите в Петербурге.

Также хорошо знаем, что казаки, злой волей русских „патриотов“ поставлены в такие условия, когда „хозяева“ Богаевских искренно удивлялись и с возмущением, в ответ на ходатайство казачьих обществ, спрашивали: зачем казакам учение, зачем им гимназия; высшее благо для казаков: манеж, пика, шашка, конь и... бесприкословное, рабское послушание начальства. Этой „хорошей“ жизни мы касаться не будем, ибо, повторяем, позиция В.К. основана не на желудке, а на естественном праве Казачества на независимое государственное существование.

Но уже совсем нехорошая, некрасивая мысль контрабандой проводится во второй части вопроса Богаевского: „кто из вас, казаки, не хотел бы в сей душой вернуться к тому времени?“, г. е. к довоенному, царскому времени. Этой неприличной контрабандой Богаевский пытается выставить всех казаков-эмигрантов приверженцами монархизма, да еще „всей душой“! Конечно, нет никакого сомнения, что Богаевский „всей душой“ желал бы вернуться в царскую свиту, наплевав и на Казачество и на атаманство, но он только не решается о своем политическом убеждении честно и открыто говорить.

Но зачем, злоупотребляя атаманским постом, окрашивать всех казаков в „черный цвет“? Эти слова Богаевского большевики с успехом могут отпечатать большими буквами на страницах своей газеты и, выдав их за подлинное мнение всех казаков-эмигрантов, лишний раз оскорбить их, приклеив к ним марку монархистов, царских жандармов, „душителей народной свободы“ и т. д. и т. п.

Зачем для оправдания своей любви к царскому режиму нужно было невразумительно лепетать о том, что бывшие „несправедливости и разные недочеты... можно было постепенно исправить, и это уже делалось с учреждением Гос. Думы, где казаки играли не последнюю роль“?

Знает ли он, какой подлостью в отношении Казачества отдаст от этих его слов? Неужели десятки тысяч расстрелянных, повешенных и замученных Петром I ни в чем неповинных, кроме того, что они хотели быть казаками, казаков и засушенные головы казачьих атаманов (Булавин, Зерщиков) только „несправедливость“? Неужели отобранные у Казачества и розданные разным царским фаворитам миллионы десятин лучших казачьих земель, а также постоянное, систематическое, веками продолжавшееся препятствие для казаков на путях к общечеловеческому знанию, свету, просвещению — только „разные недочеты“? Скажете, что это было давно, „сто — двести лет тому назад“? а потом „можно было постепенно исправить“? Для того, чтобы так утверждать, нужно грязной полстью закрыть свое лицо, чтобы скрыть от людей краску стыда! Как можно серьезно говорить, что казаки в Думе играли важную роль, когда слабая попытка казачьей фракции говорить о насущных казачьих нуждах и интересах квалифицировалась Думой оскорбительным для Казачества словом — „плач Харламова“? Чтобы так утверждать перед казаками, нужно считать последних ничего непонимающими дурачками!

Если скажут, что приведенные примеры имели место давно, то возьмем примеры, свидетелями которых мы сами были. Разве вызов Каледина на суд в Москву — только „несправедливость“? Разве убийство из за угла казачьего народного избранника, или разгром казачьего высшего народного представительства, предание суду, высылка за границу, публичное вешание его членов; или предание суду и осуждение на каторжные работы командующего Донской армией при полном бездействии и молчании Донского Атамана, все это только — „разные недочеты“?

Каким тяжелым прессом нужно задавить, в какую преисподнюю нужно сослать свою совесть, чтобы, зная

... Политика бывает вредна для тех, кто ее избегает и не интересуется ею...

Есаул Н. Посохов (инвалид).

(„В. К.“ № 80, 10-V-1931).

все это говорить — „можно было постепенно исправить“!

Все это я говорю не потому, что на этой „несправедливости“ и „недочетах“ основывается казачье освободительное движение, а только лишь потому, что их так старательно пытается „смазать“ г. Богаевский в качестве Донского Атамана. Еще раз повторяю, что политическая позиция В. К. основывается исключительно на идее, истории и естественном праве Казачества.

— „Сейчас у нас единый, ненавистный враг — большевики, да и соседи готовы урвать что можно от России и казачества“, — а посему, советует Богаевский, не слушайте самостийников.

Какая логика!

— „Большевики систематически уничтожают на нашей родине самое казачество, стараясь стереть даже память о нем“, — а посему, говорит Богаевский, не слушайте, казаки, самостийников.

Поразительная „последовательность“!

Он не хочет понять, что самостийники все время только и говорят о страшной угрозе, нависшей над Казачеством, о том, что русские люди, именующие себя большевиками, физически истребляют казаков и о необходимости поисков путей и возможностей для спасения и возрождения страдающего и гибнущего под властью Москвы Казачества. Вся „вина“ самостийников только в том, что они почтительно не поклоняются перед прахом рухнувшего режима и не готовятся низко поклониться перед будущим московским баринком, а ищут реальных путей, реальных возможностей, в союзе и согласии с теми народами, которые стремятся к тому же, куда и самостийники.

Почему нельзя слушаться самостийников? По мнению Богаевского потому, что не время заниматься „детскими сказками о какой то никогда не существовавшей „Казакции“, во главе которой будут стоять пражские самостийники, устроив казакам райское житье... Так, наивно варьируя свой несложный запас противосамостийнических аргументов, г. Богаевский продолжает „долбить одно и то же“ (выражение его).

Конечно, верно, что наш „ненавистный враг — большевики“. Но почему отсюда призыв не слушаться самостийников, не заниматься политикой, молчать, сидеть? Неужели оттого, что казаки замолчат, а от их имени Богаевский будет говорить о хорошей жизни при царском режиме, этот ненавистный враг испарится? Неужели он не может понять, что та „могучая и сильная Россия“ с царем во главе, о которой мечтает и к служению которой призывает казаков Богаевский — уже погибший без возврата мир?

Если посмотреть на современную действительность в СССР, то увидим следующее: в центре — огромная, бессознательная, никогда за свое право, за свободу че-

ловеческой личности не борющаяся, неприспособленная к активной борьбе русская крестьянская масса, в большинстве легко воспринявшая советскую власть, от ее прихода имущественно выигравшая; на „окраинах“ — народы с пробудившимся национальным сознанием, национально угнетаемые, хозяйственно разоренные, готовые, а самое главное, способные к активной и действенной борьбе с московскими большевиками. А над этими двумя основными „пластами“ — партия фанатиков, изуверов, поддерживаемая русским пролетариатом, комсомолом.

Спрашивается — с какими живыми силами Богаевский собирается „бороться“ с большевиками, на спине какого из этих двух „пластов“ он собирается возродить и построить старую „сильную и могучую Россию“ с царем во главе?

Свою краткую, невразумительную заметку, украшенную пышным заголовком „От Донского Атамана“, ген. Богаевский заключает патетической, но пустозвонной, демагогической фразой: „берегите имя казачье, овеянное вековой славой!“

В чем Богаевский видит „вековую славу“ казачью, какой смысл в нее он вкладывает — мы не знаем. Но, думается нам, он не знает, что на его поздний призыв Казачество уже давно ответило меткой и мудрой казачьей поговоркой: „слава казачья — жизнь собачья“. Не скажет ли г. Богаевский, что и эта казачья народная поговорка, так правдиво и образно характеризующая казачью жизнь под властью Москвы, изобретена Казачеством на иностранные деньги, как любит Богаевский повторять так в отношении идеи казачьей независимости?

Мы же видим казачью славу в возрождении и расцвете единого, на началах федерации, казачьего государства — Казакии, в творческом развитии, расцвете всех духовных сил казака, полноправного гражданина своего независимого государства, а не „царского слуги“ и не бессловесного „пушечного мяса“.

Богаевский желает быть первым среди темных, бессознательных ни о чем не рассуждающих масс.

Мы желаем быть равными со всеми остальными сознательными, просвещенными, гордыми сознанием своего собственного человеческого достоинства казаками!

Мы не хотим быть в деревне первыми, а хотим быть в городе равными!

О людях, которые часто любят кричать о своей искренности, но не любят открывать своего политического лица, говорят: искренность, немного плутоватая, политика, немного подловатая!

Принадлежит ли ген. Богаевский к этой категории людей — пусть решат сами читатели.

ДУМЫ И МЫСЛИ.

Ив. Томаревский. (Болгария).

Статья Атамана.

Медовые речи поет Атаман,
Он верен идее, не скуп на слова,
В руках его тот-же московский аркан,
Все та же для воли казачьей петля.

Он рад, что овечки смиренны, послушны
За ним, пастухом, так безвольно идут,
Что нет между ними овечек не русских,
Что в петлю аркана голов не суют...

Поет о казацкой он Родине, воле,
Но Родина, воля — все та же Москва;
Не вольной Казакии чистое поле,
А Русь самоправно-единая вся!

Казак ли тот будет, кто в поле, в бою
Сам лезет бесчестно врагу на аркан?..
Прочтите же с думой казачьей статью,
Которую пишет казак-Атаман...

И добрый ли пастырь он будет, скажите,
Коль так он о братьях умеет лишь петь?
Чего вы — неволи, иль воли хотите?
По совести каждый, подумав, ответь...

П. Ковган. (Харбин).

* *

С раздольем и Волей мы жились,
С привольем Казачьей Земли.
К свободе всегда мы стремились,
Ее и другим мы несли.
Верны и теперь мы остались
Родимым Казачьим Краям,
И тем, кто в застенках пытались,
Казнили в угоду царям...
И вновь мы свой флаг водрузили,
Среди беспредельных степей,
И кровью своей оросили
Пространства широких полей.
Мы землю и Волю купили
В открытых боях и трудом
И кровью отцов заплатили,
Свою, если нужно, прольем.
Теперь там на гибель народу
Коммуна со злобой зверей
Отняла казачью свободу
И в рабство повергла людей.

Но скоро восстанут народы,
Былое свое воскресят,
И стяг наш желанной свободы
Над Степью они воздуют.

Открытое письмо донцам.

Станичник редактор, сердечно прошу Вас поместить мое нижеследующее письмо к родным донцам.

Дорогие донцы, разбросанные по всем странам на чужбине! До каких пор мы будем терпеть и молчать? Наши выборные правители измываются над нами. Наш атаман А. П. Богаевский и г. Мельников и еще какой то Марков прямо идут против казачества. Мы же их выбрали на Дону вместе с нашими братьями, отцами и дедами защищать казачество и жить самостоятельно, а они теперь идут с русаками против своего казачества вольного. Мы же были спокойны веков свободные и вольные, а только когда нас Россия завоевала — и мы тогда стали подневольными. А потом, как Россия развалилась и все завоеванные ею народы освободились, и мы, казаки, тоже отделились. У нас была своя армия Донская, свой флаг, гимн и свои деньги, — не русские, керенские, или николаевские, а свои — казачьи, с своими атаманами на них. Мы плохо сделали, что все мы, казаки, не объединились в одну казачью державу, а действовали каждое войско самостоятельно, — потому и остались побежденными. Теперь идет по другому. Вольное Казачество состоит из всех казачьих Войск, и все, кто родился в Казачьих Землях, пользуются казачьими правами. Теперь мы будем все казаки и не будет, как раньше, — ты — казак, а ты — хохол или кацап. Россия разделяла нас для того, чтобы мы не образовали свое казачье государство. Теперь мы этого не допустим. В Казаккии все будут казаки!

Наши донские правители заграбастали донскую казну, — да только и слышно — у них в Париже то бал, то концерт, поют да пляшут, а старики - казаки и инвалиды голодают. Почему же они, наши правители, не помогут в нужде казакам? Говорят, что нет денег. А где же деньги?

Нам, братцы, станичники, не нужно дремать, а нужно всем сделать запрос через журнал „Вольное Казачество“ и потребовать от атамана и председателя Мельникова, куда расхodoваны деньги Донской казны? Нужно потребовать, где находится наш Донской музей и старинные драгоценности, а то по освобождении казачества у нас, бывших за границей, потребуют отчет наши братья - донцы, на Дону оставшиеся. И мы будем виноваты, потому что наши правители едва ли поедут домой, потому что их будет судить Круг за все их заграничные дела. А потому нам надо объявить свое требование в казачьих журналах — в „Вольном Казачестве“ и в „Казачьем Сполохе“ — и требовать через них от правительства отчет.

Всем донцам и всем казакам, сынам одной казачьей державы — Казаккии, мой поклон.

Ст. урядник Всевеликого Войска Донского, станицы Н.-Чирской А. Рыхлов.

Бухарест, 8 июня 1931 г.

Открытое письмо полковнику Чапчикову.

Многоуважаемый полковник Чапчиков!

Я, нижеподписавшийся, — бывший Ваш подчиненный в Калединском полку. Читая журналы „Вольное Казачество“ и „Казачий Сполох“, был поражен тем, что Вы, бывший мой начальник, идете теперь против вольного казачества. Я не верю, чтобы Вы, водивший нас, молодых орлят, в бой против русских ваньков, теперь бросили нас и пошли с ваньками против нас, казаков. Что заставило Вас изменить свой путь и идти против вольного казачества? Мою молодую душу Вы же зажгли вольно-казачьим духом, за Вами я шел в огонь и воду во имя казачества. А теперь Вы — младоросс и идете за Россию, а завтра будете великороссом и т. д.

Нет, господин полковник, теперь уж Калединовцы за Вами не пойдут! Калединовцы влять не умеют. Они

шли за Дон, за казачество, к Казаккии, а теперь идут прямо за Казаккию и за подачками, за крошками с русского стола не нагибаются. Они скорее умрут голодными, но не изменят казачеству, умрут вольными казакками, а не младороссами, как Вы.

Вахмистр Калединовец, вольный казак М. Рышкин. станицы Камышовской, Войска Донского.

Бухарест, 8 июня 1931 г.

Горькие думы казака на чужом пиру.

Сейчас в Париже происходит международный футбольный турнир, организованный в связи с Колониальной выставкой. Турнир этот начался в субботу 6 июня встречей на городском стадионе в Венсенском лесу французской команды „Клуб Франса“ и чешской команды „Славия“. Последняя ушла с поля победительницей, вполне заслуженно побив французскую команду со счетом 4:1, обнаружив большое превосходство над французами во всех отношениях. Чехи спокойно и хладнокровно, с сознанием своего превосходства все время вели игру, показав игру, порою вызывающую подлинное восхищение публики. Но особенно отличился у чехов правый бек, кажется, Женишек, который за все время игры не пропустил мимо себя ни одного мяча, не сделал ни одного неправильного удара, часто чудодейственным образом отнимая мяч у противников. Французская публика нарекла его именем „феномен“.

Но я не собираюсь писать о самой игре футболистов, а хочу поделиться с читателями теми думами, какие копошились в голове, видя торжество чехов, порою, невольно, вместе с ними (со мною вместе стояла группа чехов) переживая их энтузиазм.

Спорт сам по себе прекрасное дело, но вместе с тем — какое же это могучее средство для пропаганды имени своего народа!

Огромный и прекрасный городской стадион, окруженный старым густым зеленым лесом, кишит человеческими головами. 15-ти тысячная интернациональная публика с интересом ожидает появления команд. Трибуна переполнена. Места для представителей мировой прессы заполнены. Высоко и торжественно развеваются французский и чехословацкий государственные флаги. В публике слышится „чехословаки, чехословаки“...

Выбегают на поле „слависты“ в своей пестрой, красно-белой с пятиконечной звездой на груди, форме. За ними французы. Раздаются оглушительные аплодисменты. Огромный военный оркестр играет чехословацкий гимн, затем Марсельезу. Многотысячная публика, стоя в глубоком молчании выслушивает гимны.

Обстановка торжественная и величавая, но вместе с тем душу безродных скитальцев больно щемящая: почему мы лишены возможности иметь такой радостный, дух возвышающий момент; за какие свои грехи мы наказаны и лишены возможности иметь такие глубоко-волнующие душевные переживания подъема, энтузиазма? За что? Почему?

Кино-операторы, фотографы бегут, суетятся, щелкают аппаратами. Господин во фраке и цилиндре, не то сам президент, не то министр, спускается с трибуны и, выйдя на середину поля, делает символический удар по мячу, начиная тем самым международный футбольный турнир. В это время, как резкий диссонанс всей торжественной обстановке, кое где раздаются слабые свистки. Очевидно коммунисты, не могущие равнодушно переносить „буржуазные“ церемонии. Затем начинается игра. И, как я сказал, чехи уходят победителями.

Завтра и еще несколько дней 15 тысяч человек всюду будут рассказывать об игре чехов, о чехословацком народе. Завтра о том же будет писать и вся мировая печать. Это ли не национальная пропаганда, это ли не политика!

О чем я думал в субботу на футбольном поле в Венсене? О том — какую неограниченную и блестящую возможность имели бы казаки в области спорта, если бы... если бы они имели возможность дома распоряжаться своей судьбой так, как они хотели; если бы они не были вынуждены отдавать половину своей жизни, а самое главное, лучшие, так сказать, „спортивные“ го-

ды своей жизни службе „матушке-России“ по расширению и охране ее границ, продолжать делать что и сейчас еще призывают их обанкротившиеся казахи „вожди“; если бы казахи интеллигенция свои силы и знания употребляла на помощь и пользу родившего ее Казачества, помогала и содействовала творческому развитию всех духовных сил казаков? Сколько этих „если бы“!

Какую блестящую будущность может иметь правильно поставленное спортивное дело в Казачьих Краях! Без всякой научной подготовки, созданная исключительно практическим, опытным путем казачья джигитовка своей лихостью, смелостью ныне поражает весь мир; таким же практическим путем получались бы виртуозные казахи лодочные гребцы, из которых многие могли бы пожинать лавры побед на международных гонках; сама жизнь вырабатывала удивительных кулачников, из которых при правильной и систематической тренировке могли бы получиться мировые боксеры; сколько мировых рекордсменов в области метаний копий, дисков, бега и т. д. могло бы дать Казачество! По скольким руслам могла бы побежать по лицу земли слава казачья и сколько торжественных и радостных моментов мы могли бы переживать на европейской арене!

А каких блестящих футболистов могли бы дать казахи при правильной организации этого дела? Казачья физическая сила, прекрасное здоровье, природная ловкость, быстрота и натиск в гармоническом сочетании с казачьей „сметкой“, с молниеносной сообразительностью

(соображение в момент падения с лошади — как лучше упасть?) являются верной гарантией, что казахи были бы лучшими мировыми футболистами.

Для иллюстрации того, что это мое предположение не является только моей праздной фантазией, приведу один пример. В Чехословакии среди тридцати мальчиков-калмыков, выросших на слабом беженском питании, в условиях эмигрантской скудности, была создана футбольная команда, которая в 1929 году в турнире средних школ Чехословацкой республики получила первый приз, показав за все время турнира прекрасную игру. Эга калмыцкая команда дала первоклассных игроков, один из которых теперь играет в составе лучшей футбольной команды Чехословакии (А. Уланов в „Спарте“).

Такая команда была составлена только из состава 30-ти мальчиков. А что было бы, если бы, выбор был произведен из большего количества калмыков? А что было бы, если бы команды составлялись из всего состава Казачества?

К сожалению, все это рассуждение на тему „если бы, да кабы“. Но, присутствуя в субботу на матче в Венсене, я с горечью думал об этом. И с головы моей не выходила мысль: какое счастье быть любимым сыном своего народа, живущего самостоятельной государственной жизнью и участвовать в деле прославления имени своего родного народа! Но как тяжело и больно видеть страдание и трагедию своего народа под властью жестоких врагов, а самому быть бездомным скитальцем, „лишним человеком“ на чужом торжестве!

Париж. 8 июня 1931 года.

Ш. Б.

Казачья эмиграция.

Не казачий тип из „Казачьего Союза“.

9 июня единственный в эмиграции старейший Бакша Донских калмыков (настоятель буддийского монастыря) явился в „Казачий Союз“ в сопровождении одного безработного гелюна (буддийского священника) с желанием просить для последнего работу. Не успели они войти в помещение Союза, как г. Зенков, не спрашивая — зачем они пришли, грубейшим тоном приказал: „снимите шапку“!

Старый Бакша, всю жизнь привыкший снимать шапку только перед образами Божьими, теперь уже нарочно, спокойно осмотрел комнату и ответил: „здесь нет образа Божьего, мне не перед кем снимать шапку“. Зенков еще более грубо ответил: „у нас нет образа Божьего, но из уважения к моей личности вы обязаны снять шапку. Снимите!“

Само собою разумеется, я об этом пишу не потому, что Бакша сочувствует моим политическим взглядам. Нет, конечно, ибо Бакша совершенно и принципиально далек от всякой политики, свою мысль и взоры направив исключительно в сторону духовных дел, чистой религии. Он никому не говорил и не скажет об этом зенковском „приказе“, ибо это для него — „сута сует и всяческая суета“. Но я слышал, как сопровождавший его гелюн с горечью рассказывал об этом в кругу своих калмыков. Было обидно и больно слышать, как человек, воображающий себя одним из казачьих „вождей“, с такой легкостью и без всякой надобности позволяет себе оскорблять единственного в эмиграции духовно-религиозного главу донских калмыков, вместе с казаками горькую чашу до дна выпивающих.

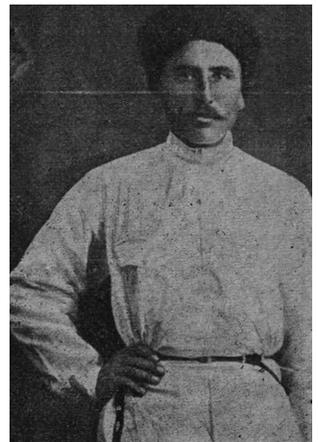
Бедный наш старый Бакша, какие горькие думы он думал, выслушав такой фельдфебельский „приказ“! Ведь не г. Зенкову учить Бакшу приличиям, умению держать себя в обществе? Даже с точки зрения общественного этикета, Зенков мог свободно обойтись без своего „приказа“, так как в Париже не особенно принято снимать шапку: в ресторанах, в кафе, даже в официальных учреждениях — на почте, в государственных музеях, в мерях и т. д. шапку не снимают. Но Зенкову захотелось показать свою власть над старым калмыком...

Ведь у этого самого Бакши, над которым Зенкову захотелось позиздеваться, в страшную зиму 1918 года скрывался „Донской Баян“, Митрофан Богаевский, бежавший в калмыцкие степи от большевиков. В его доме гостил и Донской Атаман А. Богаевский. Они не требовали от него приличия, не учили его, не приказывали снять шапку. А теперь, когда в силу страшного несчастья наш старый Бакша вынужден надеть потертый пиджак, в помещении, хозяином которого является тот же атаман Богаевский, г. Зенков, не приглашая даже сесть, приказывает ему почтительно снять шапку перед ним!

О, люди, о, нравы!

Ш. Балинов.

ВАСИЛИЙ Г. БОДЯКИН (кубанец, лабинец). Умер три года тому назад (15 июня 1928 г.) в Югославии. Фотография помещается по просьбе К. Ачмизова (В. Бечкерек, Югославия).

Казахи в Панчево.

... Город Панчево, это уютный пригород Белграда, лежит при впадении реки „Тамиша“ в Дунай. Там есть и Панчевацкая казачья станица. В этой станице есть донцы, кубанцы и казахи других Войск, но последних мало. Занятие у них очень разнообразное; есть слесари всех родов, мастера, шофера даже имеющие собственные автомобили. А небольшая группа из них работает в местном „Русском госпитале“. В госпиталь

Казачи — служащие русского госпиталя в Панчево.

они попали еще с первых лет своего заграничного пребывания, где заслужили о себе хорошее имя трудолюбивых работников. Не мало казаков, благодаря их братским заботам, возвратили себе здоровье. Но и не без урона, были и такие, которым не суждено было возвратиться в свой отеческий дом, в родной Казачий край. Но и те, кто умер, имели хоть то утешение, что умерли на глазах своих собратьев-казаков, которые не сегодня завтра возвратятся на далекую свою Родину, и там может быть попадут к его семье, отцу, матери, жене и передадут от него его последнее завещание. И таких ведь у нас не мало? Сколько их умерло в этом госпитале?!

Служащие при госпитале живут в общежитии. Занимают одну комнату, в которой находятся только казаки. Жизнь их течет мирным трудом. Между ними нет никогда никаких ссор. После долгой и нудной работы часто в песнях вспомнят Тихий Дон, Вольную Кубань и Бурный Терек.

В общежитии образцовый порядок и чистота, за которой они особенно наблюдают. В переднем углу, у них, иконы в золотых отделках, ниже их отцовские или материнские благословения, которые ими вынесены еще с родных краев. Может быть эти благословения не раз побывали в неравных схватках с неприятелем, а может быть они были носимыми еще ихними дедами... Всюду на стенах фотографии, снимки и картины из прошлой казачьей жизни за границей.

За доброе дело Вам наше спасибо!.. Г. Алферов.

Касса взаимопомощи учащихся калмыков в Чехословакии.

Калмыцкая молодежь, учащаяся в различных средних и высших школах Чехословакии, по причине слишком ограниченного размера стипендий, вследствие бедности своих родных, тяжким физическим трудом зарабатывающих себе пропитание, а многие вследствие отсутствия и таких родных, очень часто испытывает острую нужду из за невозможности достать иногда хотя бы ничтожную сумму.

Памятуя, что организация самопомощи — лучший

способ борьбы с бедностью, калмыки студенты и гимназисты 7 и 8 классов, при поддержке членов Калмыцкой Комиссии Культурных работников, заложили 14 июня кассу взаимопомощи. Цель скромна и вполне достижима. Они хотят из ежемесячных 5-ти кроновых членских взносов и добровольных пожертвований собрать в течение трех-четырех месяцев небольшой фонд, из которого в необходимых случаях будут давать нуждающимся членам небольшие суммы.

Надо признать, что при дружном, честном и серьезном отношении всех членов к этому начинанию эта мера действительно даст возможность во многих случаях облегчать нужды наших учащихся.

В члены организации принимаются все учащиеся калмыки и все сочувствующие делу получения нашей молодежью европейского образования. Добрая, братская поддержка их в этом начинании со стороны всех сознательных калмыков на много облегчит их задачу. А это необходимо делать, потому что при теперешнем тяжелом политическом и экономическом положении калмыцкого народа есть только один верный путь к спасению: Это — чтобы была у нас умственно и численно сильная, преданная нам национальная интеллигенция. Тяжел путь получения нашими юношами образования в эмиграции, но при сердечной поддержке своих братьев они эти тяжести преодолению и выйдут в полезные своему народу люди. В этом всем нам нужно посылно помогать. Не надо забывать, что „Демче шаджа ху бярдек“.

На этом же организационном собрании выбрано правление в составе: Председателя — студента Алексея Шурганова (Эркетинской стан.), секретаря — студ. мед. — Лиджи Уланова и казначая — студента — Мирма Шиханова (Денис. стан.). В состав ревизион. комиссии вошли студенты: Наран Уланов (Ново-Алексеевской стан), Содман Кульдинов (Денис. стан.) и Санжа Ункуров (Чунусовской стан).

Калмыки всегда любовно заботились о своих учащихся детях, не забудем же эту традицию и теперь; в самые трудные годы их жизни не откажем в братской помощи, чем можем. Надо поощрить наших молодых братьев в их начинании.

С. Б.

Всем, кто не внес еще подписной платы за вторую половину года, как и тем, кому журнал по тем или другим причинам высылался до сего времени бесплатно, настоятельно напоминаем о необходимости своевременно платить подписку.

Одновременно предупреждаем, что впредь бесплатно сможем высылать журнал только в особо уважительных случаях.

Кто хочет, чтобы существовало казачье печатное слово, кто хочет поддерживать вольноказачье движение и на деле, тот будет прежде всего исправно платить подписную плату за „В. К.“

„Ковыльные Волны“.

В первых числах июля с. г. выходит 3-й номер первого калмыцкого полигического журнала „К. В.“. Содержание: Периодическая печать — передовая (на калмыцком и русском языках); 300-летний юбилей — Ш. Балинова; Памятные даты в истории Калмыцкого народа — А. Ленинова; Нас родина зовет — стих. Конст. Полякова; Национально-полигические течения в Казачестве, как предпосылки возможной ориентации в калмыцкой национальной политике — С. Балыкова; Вольное Казачество — М. Гребеникова; Братьям, казакам буддистам, павшим за свободу родного края — стих. Пет. Крюкова; Из калмыцких народных сказок — пер. Ш. Ниминова; стих. на калмыцком языке — Санджир-Ракби Менькова; Ново-Донское (Екатеринославское) казачье войско — А. Ленинова; Одиночество — стих. Л. Костиной; Улан залата хальмагуд — Аршинова (на калм. яз.); Стихотвор. — Влад. Полякова; Растоптанный тюльпан — расск. С. Балыкова; Памяти полк. Телкина — С. Ремелена; Огзывы и мнения некоторых иностранцев о казаках — А. Л.; Огчего настала безработица и как она пройдет (популярное изложение) — А. Манцынова; Отклики печати о „Ковыльных Волнах“ Ш. Б.; Из национальных взаимоотношений в СССР и комментарии к ним — С. Б.; Стих. на калмыцком языке — Ц. Морхус; Рассказ — Якименко; статья на калмыц. язы-

ке — Менькова; Жизнь калмыцкой эмиграции по сообщениям с мест; Обзор международной жизни; Хроника калмыц. эмиграции; Почтовый ящик.

Приобретать можно будет: в Югославии у Менькова (калмыцкая колония в Мокр. Луге); в Париже у Балинова — рю Войите, № 1, Жуанвиль (Сене); в Чехословакии у Балыкова — Градецка 2207, Прага XII; выписывать у Балинова. Цена 5 фр., 7 крон, 10 динар.

Письмо в редакцию.

Дорогой станичник редактор!

Принимая во внимание то, что наш журнал „Вольное Казачество“ является стягом священной борьбы за Волю, „за честь Отчизны, за казачье имя“ — и что многие из наших соратников-сотрудников не в состоянии зарабатывать себе на кусок насущного хлеба — я, вольный казак Всевеликого Войска Донского, считаю для себя бесчестьем — в эти мучительные годы для нашей Отчизны-Казакки и для нашего Народа — работать в журнале хотя бы и за скромное вознаграждение.

Поэтому прошу Вас, станичник редактор, впредь считать меня постоянным сотрудником, работающим безвозмездно.

С казачьим приветом Петр Крюков.

В Казаки.

Что делают оккупанты?

В предыдущем номере нашего журнала, на основании советских газет „Молот“ и „Красное Знамя“, мы сообщали, что к концу мая на Северном Кавказе осталось незасаженными не менее 2 миллионов га яровых, что они и не будут засеяны не смотря на весь газетный большевистский гам. Те же газеты за первую половину июня скромно умалчивают о конечных результатах весеннего сева. Скромность их понятна: 2 миллиона га так и остались незасаженными.

Внимание июньских газет сосредоточено почти исключительно на посадке табака и полке пропаших.

Насильно загнанный в колхозы, не смотря на грабеж, на тюрьмы и ссылки, наш хлебороб продолжает упорную и настойчивую борьбу с завоевателями в той форме, которой население не может быть лишено ни при каких обстоятельствах: в форме пассивного сопротивления. Несомненно, что и вспашку хлебороб дал такую, которая в наилучшей степени обеспечит произрастание сорняков, и недосев получился оттого, что этого хотел хлебороб, и полоть он также не особенно спешит, пользуясь большевистской безалаберщиной, демагогической шумихой и тем, что во главе руководства „организованным“ сельским хозяйством стоят представители оккупационной власти.

Уже по началу видно, что хлебороб не заинтересован в том, чтобы посеянное дало хорошие результаты. Весь рабочий скот теперь находится в руках колхозов. Следовательно, забота о подвозке работающим в степи продовольствия, воды, топлива и проч. лежит на правлениях колхозов, а не на отдельных хозяевах. Но, как Божий день, ясно, что правленцы колхозные даже и этого дела не могут наладить, как следует, так как они почти поголовно вербуются не из местного, а из пришлого элемента, не знающего условий работы в наших Краях. Взять для примера хотя бы то обстоятельство, что во многих случаях в каждой станции работу приходится производить в 10—15. а то и 20 км. от дома. И теперь оказывается, что тысячи людей выходят по наряду на работу за десятки километров от станции и на месте работы не находят ни провизии,

ни воды. Само собою разумеется, что это вполне уважительный и законный повод для того, чтобы и с работы уйти, а в следующий раз и на работу не выйти. Так об этом и свидетельствуют большевистские газеты: нередки случаи, когда вместо трех — четырех тысяч по наряду на работу выходит одна — две тысячи человек. Хлебороб не станет, конечно, особенно заботиться о том, чтобы полка была своевременно выполнена, пока газетные кликуши прожужжат свой „прорыв на прополочном фронте“ и соответствующие „центры“ дадут на „места“ соответствующие „распоряжения“ и „инструкции“, а кукуруза и подсолнухи будут заглушены сорняками, а к концу лета в бурьянах может и волки завонот. Впрочем большевикам к этому не стать привыкать: в своих совхозах они хорошо научились сеять тогда, когда люди полят, а полоть, — когда люди убирать собираются. Ну, а теперь уж никому зазорно не будет.

Приводимые ниже выписки из советских газет достаточно ясно иллюстрируют это мнение.

На табачном фронте.

„Оперативно руководить посадкой табака“.

„В крае началась массовая посадка табака. Запаздывание и медленное развертывание кампании требуют сейчас боевого, четкого оперативного руководства со стороны Крайземуправления, Крайколхозсоюза и краевой конторы Союзтабака.“

Однако, такого руководства мы не имеем. Несмотря на то, что все эти организации получают по своей линии сводки-пятнадцатки о ходе посадки, действительной картины хода кампании нет. Сведения запаздывают, все они противоречивы, не точны, неполные, а иногда и извращают фактическое положение. Например, по сводке Крайзу на 5-е июня в Абинском районе посажено 10 га табака, по данным Крайколхозсоюза — более 400 га; а приехавший в Ростов зав. земотделом этого района назвал новую цифру — 600 га. Оказывается, Крайзу включило в сводку старые сведения (на 1-е июня), так как Абинский район прислал новые данные несвоевременно. По той же сводке Крайзу в Ново-

Покровском районе посажено 259 га, но эти данные категорически опровергают работники Крайколхозсоюза и... полеводческого сектора Крайзу (специалист по техническим культурам): в Ново-Покровском районе, говорят они, нет даже рассады на такую площадь.

Краевая контора Союзтабака не может добиться регулярных сведений о ходе посадки в государственном секторе, хотя в крае имеется всего лишь 5 совхозов.

Этой безответственности и „сводочной“ путанице и вакханалии надо положить конец.

Сводка должна составляться только Крайзу, при этом нужно добиться максимальной оперативности и устранить отставание. Сведения должны отображать картину за истекшую пятидневку, а не за предыдущую пятидневку, как это получается сейчас. Союзтабаку и Крайколхозсоюзу нужно вовсе запретить самостоятельно составлять „пятидневки“ („Молот“, 8-VI-31 г.)

„Перелома еще нет“.

До сих пор нет решительного перелома в посадке табака. Всего по плану надо посадить 39.693 га, а посажено 8.194, или 20,6 проц.

Попрежнему позорно плетутся в хвосте Абинский, Сочинский, Туапсинский, Белореченский и Майкопский районы. Эти районы выполнили всего лишь одну четвертую часть плана. Апшеронский еще не закончил пахоту и не приготовил полностью рассады.

Медленно идет посадка табака и по совхозам. Черниговскому совхозу надо посадить 1.100 га, а посажено 113 (10 проц. плана). Апшеронский совхоз выполнил план на 28 проц., Горяче-Ключевский — на 33,9 проц.

Некоторые Райколхозсоюзы форменным образом игнорируют посадку табака. В Лабинском и Апшеронском районах руководители табачных секций Райколхозсоюзов и агрономы ни разу не выезжали на рассадники.

Кулак развернул бешеную агитацию против посадки табака (в Белореченском и Лабинском районах). Обнаружены случаи порчи парниковой рассады. В Апшеронском, Армавирском, Ново-Покровском, Курганенском сдельщина в посадке табаков не внедрена.

Крайколхозсоюз оперативного руководства в посадке табака не наладил. Союзтабак также плохо руководит совхозами. Работники на места не выезжают. Бумажное руководство посадочной только запутывает положение. Совхозы сейчас остро нуждаются в рабочей силе. Из за этого задерживается посадка.

Районные организации табачных районов должны немедленно мобилизовать все силы на ликвидацию прорыва в посадке табака. Все агрономические силы районов надо перебросить в колхозы.

План посадки табака должен полностью быть выполнен к 20 июня. („Молот“, 15 июня). Будко

На прополочном фронте.

Каждая потерянная минута — удар по урожаю.

В Усть-Лабе и Тереке прорыв углубляется. Последнее донесение Усть-Лабинского райзо о ходе прополочной кампании засгавляет бить тревогу. Процент невыходов на работу увеличивается. На 7 июня в среднем выход на работу составляет 58 проц., на 9 июня — 52 проц. За два дня прополото всего 1.500 гектаров. 32 тысячи гектаров пропашных и технических культур (более половины всех посевов) остаются еще непрополотыми.

Такое же положение с прополкой, угрожающее урожаю хлопка, в Темрюжском р-не. К 7 июня было прополкой охвачено 10.201 га хлопка, к 9 июня — 11.235 га. За два дня колхозы прополотли всего 965 га, единоличники 78 га. Не прополото еще около 8 тысяч га (необходимо отметить совершенно недопустимый факт: райзо путает план прополки по единоличному

сектору, определяя его в одной телеграмме в 2.671 га, а в другой — 1.110 га).

Снижение темпов прополки объясняется резким сокращением выхода на работу. За 6 июня по нарядам было назначено 3.739 человек, вышло 3.598, за 8 июня: назначено 3.922, вышло 2.003.

Причины невыходов заключаются в том, что оба района до сих пор не провели индивидуальной сдельщины в колхозах, плохо организовано общественное питание на работах, не ведется массовой работы.

В ответе за выполнение планов прополки все организации Темрюжского и Усть-Лабинского районов, в первую очередь, партийные организации. Все силы должны быть брошены на борьбу за социалистический урожай. Районное руководство обязано по-большевистски — четко и немедленно осуществить решение Крайкома партии о прополочной кампании.

(„Молот“, 11-VI-31 г.)

„Выше темпы прополки!“

Постановление коллегии краевого земельного управления от 12 июня:

1. За совершенно неудовлетворительную работу по руководству сеноуборочной и прополочной кампаниями, а также за систематическое непредставление сводки о ходе сеноуборочной кампании, сняты с работы заведующего Райзо Белоглинского района тов. Белододева.

2. Предупредить зав. Райзо районов: Романовского, Зимовниковского, Дубовского, Заветинского, Ремонтинского, Изобильно-Тищенского, Александровского, Леоново-Калитвенского, Кашарского, Тарасовского, Тащинского, Кушевского, Невинномысского и Ессентукского, что в случае отсутствия решительного перелома в ходе прополочной и сеноуборочной кампании — к ним будут применены меры взыскания. Нач. Крайзу Дорошев.

(„Молот“, 13-VI-31 г.)

В поход на колхозные поля!

В Краснодарском районе с прополочной неблагополучно. Изо-дня в день из станиц поступают тревожные сведения. Отстают Пашковская, Елизаветинская, Старо-Корсунская и другие.

Вторая пятидневка июня не дала значительного перелома. Ее показатели говорят о срыве плана прополки, о срыве агроминимума, а отсюда и о понижении урожая.

Такого положения мы допустить не можем. План прополочной должен быть выполнен во что бы то ни стало. И выполнен в ближайшее время.

Горком ВКП(б) признал состояние прополки в Краснодарском районе угрожающим яровым и пропашным культурам и объявил поход на колхозные поля рабочих, студентов и служащих.

Трудящиеся города должны помочь колхозникам добиться в полке решительного перелома, быстрее закончить ударную работу.

Массовый поход на колхозные поля начинается сегодня-завтра. Его надо провести организованно. От последнего зависит успех всей работы, зависят результаты похода.

Перед партийными, профсоюзными и шефскими организациям Краснодара стоит задача — лучше развернуть среди рабочих и служащих массовую работу, лучше разъяснить о прополочной кампании, о политическом значении похода. Надо добиться, чтобы в ближайший день отдыха „выходные“ рабочие и служащие полностью вышли на помощь колхозникам, чтобы все до одного участвовали в полке. Такую же работу обязаны провести студенческие и школьные организации, а также жакты.

Каждый сознательный рабочий, служащий, учащийся должен участвовать в походе за социалистический урожай!

Все на помощь колхозам!

(„Красное Знамя“, 12-VI-31 г.)

На финансовом фронте.

Темпы явно недостаточны.

Города края позорно отстают. Первая декада ударного месячника по ликвидации финансовых прорывов не внесла существенных изменений в нарастании темпов выполнения финансового плана. По сравнению с первой декадой, вторая дала увеличение только на 11 проц. Районные организации приступили со значительным опозданием к проведению ударного месячника. По-прежнему в числе позорно отстающих — Баталпашинский район, выполнивший 29 проц., Белоглинский — 30,9, Изобильно-Тищенский — 31,6, Куцевский — 34,1, Лабинский — 36,5, Тимашевский — 37,4 и др. Отстающие районы не переклонились на боевые темпы.

Позорно отстает Ростов, который должен быть ведущим в выполнении плана. Он выполнил только 67,6 проц., Владикавказ (63,7 проц.), Таганрог (69,2 проц.), Георгиевск (46 проц.). Продвинулся по выполнению финплана Пятигорск, перейдя с 20-го на 8-е место. Северная Осетия перевыполнила финплан второго квартала.

Опыт передового Прикумского района должен быть применен всеми районами края.

До конца ударного месячника остались считанные дни. Край выполнил только 65,1 проц. квартального плана. Нужно напрячь все силы, чтобы выполнить финплан полностью.

(„Молот“, 15 июня).

Черная доска.

Краснодарский жилсоюз квартальное задание по мобилизации средств на 10 июня выполнил только на 48,4 процента.

Комсод нефтестроя совершенно не участвует в работе по мобилизации средств. Из 947 рабочих займом „Пятилетка в четыре года“ охвачено только 137 чел. Комсод и коопбюро совершенно не знают о паяевой задолженности рабочих и служащих. Не проверяется задолженность и по жилплатежам. Рабочие не обслуживаются сберкассой.

Долинковский стансовет квартальное задание по мобилизации средств выполнил только на 20,2 процента.

В ст. Марьянской квартальное задание по мобилизации средств выполнено на 30,7 проц. Реализация займа „Пятилетка в 4 года“ проходит плохо. Задание в 44.600 р. реализовано только на 10.525. Совершенно не поступают платежи по налогам.

(„Кр. Знамя“, 14 июня).

На других фронтах.

„Можно и без партпросвещения“.

Партпросвещение в Приазовском зерносовхозе (ст. Роговская, Брюховецкого района) поставлено очень плохо. Прошедшее недавно совещание пропагандистов признало, что партийная учеба в совхозе фактически сохрана.

Партколлектив не имеет никаких сведений о сети партпросвещения на участках. В таком же положении полигучеба в комсомольской организации совхоза.

Большим препятствием на пути партпросвещения являются вредные теории, которые здесь развивают отдельные руководители парторганизации. Бывший культпроп коллектива зерносовхоза Моисеев так рассуждает о партпросвещении:

— Условия нашего совхоза не позволяют заниматься партучебой. Все по горло заняты, бегают, язык высунуши. Куда уж тут до просвещения.

Отдельные коммунисты придерживаются такого мнения, что „раз на поле выпускается стенная газета и изредка бывает кино, то зачем еще вводить партийное просвещение“. Новый культпроп партколлектива тов. Коваль не принимает никаких мер к тому, чтобы поставить партпросвещение. „Сейчас, говорит он, мы разрешаем вопросы производства, а партпросвещение подождет“.

Такая оппортунистическая недооценка партпросвещения фактически срывает учебу. Узкие делеги не понимают, что борьбу за выполнение плана зерносовхоза нужно сочетать с систематическим повышением своего теоретического уровня.

Партийный коллектив зерносовхоза совершенно не растет, вся работа его поставлена неудовлетворительно.

(„М.“, 2 июня).

Плохо работают, плохо вербуют.

Перестройка партийной работы на заводе „Кр. Двигатель“ (Новороссийск) идет недопустимо медленно. В выполнении промфинплана — систематический прорыв (из декады в декаду). С переыборами партторгов и бюро ячеек партколлектива парторганизация запоздала. Должной подготовительной массовой работы не проведено. Вербовка в партию ведется от случая к случаю. За весь 1930 год принято 17 человек, за январь 31 года не поступило ни одного заявления. В феврале поступило 12 заявлений, принято — 6. За март принято всего два человека. За май поступило 25 заявлений, но рассмотрено всего одно.

Партколлектив не руководит работой по вербовке в партию. Заявления поступают самотеком. Загяжку в рассмотрении заявлений партколлектив объясняет „отсутствием анкет“.

(„М.“, 16 июня).

В июне промышленность края работает хуже чем в последней декаде мая.

Июнь не показал перелома в темпах работы краевой промышленности. Наоборот даже крупнейшие объединения снизили темпы сравнительно с последней декадой мая. Так, Севкавметаллообъединение, выполнившее в третьей декаде мая месячный план на 43,1 проц., в первой декаде июня выполнила лишь 20,7 проц. июньского месячного плана. Ростсельмаш, выполнивший на 1 июня лишь 32,4 проц. месячного плана за первую декаду июня, выполнил лишь 5,9 проц. месячного плана, то-есть не обеспечил не только перекрытия долга, но и темпов, необходимых для выполнения июньской программы. Лишь на 21,4 проц. выполнил месячное задание за первую декаду июня Севкавуголь. Сулинский завод, выполнивший на 1-е июня лишь 45,3 проц. квартального плана, за отчетную декаду выполнил 26,8 проц. месячного задания. Таганрогский завод „Сталь“ отстал даже от Сулинского, выполнив месячное задание за декаду июня на 25,3 процента. Вся краевая промышленность, выполнившая в первой декаде мая 34,1 проц. месячного задания, в первой июньской декаде выполнила лишь 24,4 проц. программы июня.

Первая десятидневка июня не дала перелома, которого требуют буквально считанные дни, оставшиеся до конца квартала.

По примеру передовых заводов, вся краевая промышленность (союзного и краевого значения) должна исклещительным напором всех сил и средств добиться перекрытия прорыва.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Козаки!

Подписывайтесь на свой журнал

„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.